

**НИНА
ВАСИНА**

Мачеха для Золушки

детектив
не для всех

Нина Васина
Мачеха для Золушки

«Автор»

2008

Васина Н.

Мачеха для Золушки / Н. Васина — «Автор», 2008

Золушка – Зоя Лушко, больше всего хочет женить своего отца – это неперемное условие, чтобы сказка про Золушку стала явью... Отец – спасатель МЧС Виктор Филимонович Лушко, больше всего в жизни хочет счастья своим трем дочерям и... обладать красавицей-фотомodelью Медеей... Мачеха – фотомodelь Медея, больше всего в жизни хочет остаться неузнанной... Сестры – Маринка и Иринка, больше всего в жизни хотят заполучить принца... Принц – Тамерлан, сын лучшего друга Виктора Лушко, волей-неволей должен жениться на Золушке... Крестная – вопреки всякой логике состоит в тесном родстве с мачехой. Самый таинственный персонаж. Кто она, можно узнать, только перелистнув последнюю страницу романа...

© Васина Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Золушка	8
Отец	13
Садовник	14
Кухарка	15
Принц	20
Садовник	24
Мачеха	25
Полковник	37
Мачеха	42
Отец	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Нина Васина

Мачеха для Золушки

Кое-что из прошлого Виктора Филимоновича Лушко и его славных друзей-спасателей: Елисея, ставшего впоследствии садовником, воина Абакара и Афони, царство ему небесное.

Наняв для трех осиротевших дочек няню со странным именем Дездемона, он вышел на работу после вынужденного отпуска по уходу за детьми. И угодил в спасательную операцию после землетрясения в Индии. По профессии Виктор Филимонович был пожарником, ушел в МЧС не столько из-за денег – там была выше зарплата, сколько из-за разнообразия опасностей и возможности посмотреть мир. Он управлял почти всеми средствами передвижения, был необычайно силен физически и редко терял присутствие духа в самых непредвиденных ситуациях.

В Индии он столкнулся с невероятной нищетой и таким количеством трупов, которое до этого даже при своей профессии не мог вообразить. Виктор Филимонович не видел ранее столь огромную площадь – из конца в конец нужно было идти двенадцать минут, – всю заваленную в несколько рядов трупами.

То ли от запаха разложения, то ли от горького жара чужой земли на третий день своей палаточной жизни на развалинах Виктор Филимонович почувствовал подозрительную невесомость и сильную головную боль. Он только что со своим напарником достал семью из шести человек из-под обломков – все мертвы. Елисей пошел прослушивать завалы. Ждали поисковую собаку, потом по радиации передали, что собака погибла от какой-то заразы.

Застыв перед большой плитой, Виктор Лушко пытался справиться с пульсирующей болью в висках, мечтая о глотке холодной воды. В этот момент он почувствовал чужое присутствие как посторонний запах – цветочный, тонкий, неуместный в приторном дурмане смерти. Подошла темноволосая женщина европейского типа, но в сари, с покрытой головой. И сказала по-русски:

– Простите, вы здесь главный?

Виктор Филимонович очнулся и попробовал рассмотреть ее лицо, но она отворачивалась, скрывая под нарочитым смущением и тонкой тканью платка желание быть неузнанной.

– Вы не могли бы поднять эту плиту и углубиться еще на три метра? – спросила она.

Виктор Филимонович тупо посмотрел на огромную плиту.

– Нет.

– А есть причина, по которой вы могли бы это сделать? – настаивала женщина.

– Есть, – кивнул Виктор, – наличие под ней людей. Желательно живых. У вас кто-то остался под развалинами? Семья?

Его шатало.

– Нет. Там должна быть золотая фигурка Будды. Очень древняя. Один человек похитил ее из храма как раз перед землетрясением и принес в свой дом. Это реликвия, понимаете.

Виктор Лушко не сразу нашелся что ответить.

– Идите к черту и не мешайте работать.

– Там есть двое живых людей. Они почти не пострадали. Мужчина и женщина. Женщина беременна.

Виктор посмотрел на Елисея, у которого был поисковый сканер. Тот отрицательно покачал головой – никаких сигналов снизу.

– Они американцы, – продолжала женщина.

– Такую плиту придется взрывать направленно, – заметил Елисей, сняв наушники и респиратор.

– Так зовите же вашего взрывника! – нервничала женщина.

– Послушайте, гражданка... – Виктор решил умерить ее настойчивость.

Она его перебила:

– Меня зовут Марго.

– Ладно, Марго. Три метра вниз – это много. Если живые попали в пустой пенал под упавшими плитами, взрыв может нарушить устойчивость плит, и тогда этих двоих просто расплющит.

– Они спрятались в подвале, взрывайте!

Елисей предложил позвать взрывника Афоню. Виктор Лушко настаивал, чтобы пришел старший в роте Абакар и принял решение. А женщина в сари сказала, что тогда чемодан с золотыми слитками им придется делить на четверых.

– Чемодан с золотыми слитками? – хмыкнул Елисей. – Мадам! Что вы называете слитком?

– В данном случае это брусок весом двадцать килограммов. В чемодане их пять. Решайте же!

Позвали ротного и взрывника Афоню. Выслушав совершенно невероятное предложение «странной дамочки», Афоня тут же развил бешеную активность по спасению «беременных женщин и детей». Через двадцать минут после взрыва под взглядами собравшихся местных зевак, помогавших растаскивать обломки, был обнаружен заваленный вход в подвал. В свалке бытового мусора – среди разбитой мебели, посуды, кусков ковра – и блеснул металлический уголок чемодана. Чемодан этот был пристегнут наручниками к труп молодого мужчины европейского вида. Тогда Виктор Лушко установил по периметру поисков полосатую ленту и вывел за нее зевак под угрозой образования провала и обрушения развалин.

Сначала достали женщину, она была без сознания, но жива. Нашли и мужчину. Он все это время кричал как резаный, услышав удары сверху. Елисей уже решил, что его придется доставать по частям, но мужчина оказался совершенно невредим, а кричал от страха, что про него забудут. Лушко поспешил сделать ему успокоительный укол, чтобы прекратить непрерывный поток объяснений, и сам удивился своей поспешности – неужели поверил в золото?

Афоня достал ножницы по металлу, чтобы перекусить цепочку, но Абакар остановил его, осмотрелся и открыл наручники попавшимся на глаза куском проволоки. Он же потом принес два черных пластиковых мешка. Виктор Лушко в третий раз опустил лебедку. Подняли тело. Потом втроем они выгребли чемодан и затолкали его в мешок, как уже не раз делали с разрозненными частями человеческих останков.

– Эй! – крикнула сверху женщина, заметив, что они собираются подниматься. – А мой Будда?

Виктор осмотрелся. Знать бы, какого размера скульптура. По наитию он тронул ногой что-то завернутое в холстину размером с узбекскую продолговатую дыню.

Местные понесли носилки на соседнюю улицу – туда мог подъехать транспорт, а четверо спасателей, насквозь пропотевшие в своих куртках, и женщина в сари присели покурить.

Елисей заглянул в мешок.

– Если там действительно золото, – с сомнением сказал он, – то что с ним, на хрен, делать?!

– Увезете послезавтра с собой вместе с инвентарем, – устало предложила женщина, пряча тяжелого Будду в тряпке под сари. – Ваш багаж досматривать не будут. А дальше уже вам решать. Если захотите другой жизни – возьмете себе, а не захотите – напишете докладную куда следует, получите взыскание, что посмели достать такой груз без разрешения начальства, и больше вас за границу не пустят.

– Гражданочка, а вот разрешите ненавязчиво так поинтересоваться, – проникновенно обратился к ней Афоня, – вы ведь вроде ясновидящей тут сидите, так? И вот мне очень интересно, что вы ясно увидели там, под завалом, – золото или живых людей?

– Золото само по себе путешествует редко, – ответила Марго, вставая. – Вы послушные мальчики, других приходилось упрасивать по часу. Англичане редкостные тугодумы в таких делах.

– А мы послу-у-шные! – с радостью подхватил Елисей. – Мы на такие завалы – всегда пожалуйста!

– Там посмотрим, – сказала женщина, уходя.

– А как бы телефончик ваш... – начал было Афоня, но Виктор его одернул.

– Замолчи. И так вляпались в неприятности, ты еще хочешь дополнительной информации? Чтобы было что на допросе выложить?

Женщина обернулась – яркое живое пятно в пыльном мареве завалов.

– Я сама позвоню. Если вы примете правильное решение.

На это Елисей флегматично заметил:

– Как же!.. Знаю я такое кидалово. Позвонит она, а даже имен не спросила.

– Дурак! – постучал себя по лбу Абакар. – Она же ясновидящая!

– Ерунда, – отмахнулся Елисей. – С какого хрена мы, по ее словам, послезавтра отсюда улетим? Тут пахать и пахать немерено.

Через день они улетели – Виктор Лушко с подозрением на лихорадку, а трое его товарищей с ее первичными признаками.

Марго позвонила Виктору Лушко, как только его усадьба во Владимирской области была достроена. Афоня, купивший себе большую квартиру в Москве, удивился:

– Ты чего в такую даль забрался?

– Во-первых, мне это место кажется более безопасным, чем город. А во-вторых, не могу жить в квартире, где Надежда умирала.

«...Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

– Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя...»

Братья Grimm. «Золушка»

Золушка

– Ты не можешь этого помнить! – заявила сестра Маринка.

– Могу.

– Не можешь! – вступила сестра Иринка. – Тебе было всего два года.

– Я помню, – настаивала Зоя, покраснев скулами, что предвещало близкую схватку.

– Если помнишь, скажи, в каком платье ты была?

– Я была в ночной рубашке. – Маленькая Зоя посмотрела на сестер исподлобья.

Сестры раздосадованно переглянулись.

– Тебе все отец рассказал, – предположила Маринка. – Что это такое – «господь всегда тебе поможет...»? Твоя мать не могла так говорить, это Средневековье какое-то.

– «Мое милое дитя...» – передразнила Иринка.

Поэтому Зоя напала сначала на нее.

Когда на шум прибежали взрослые и растащили дерущихся, отец стал в который раз стыдить старших дочек:

– Дылды недоразвитые, она же меньше вас!

Дочки возразили:

– Она первая начала, а мы нормальные, доразвитые!..

А потом, когда две женщины из гостей повели младшую, Зою, умыться и переодеть рваную одежду, девочка сказала, что все дело в птицах.

– Что ты такое бормочешь? – спросила гостья.

– Когда на могилу кладут печенье и конфеты, на поминках. Они всегда потом пропадают, – объяснила Зоя. – Я, маленькая, думала, что мама их забирает себе... – Стушевавшись под напряженными взглядами взрослых, девочка неуверенно уточнила: – Вниз... – и показала пальцем в пол.

Одна из женщин оказалась психологом, и даже с ученой степенью. Она тут же стала объяснять второй гостье, что у девочки нормальная реакция на смерть матери, а с сестрами она постоянно дерется, потому что...

– Восемь лет уже прошло. Не слишком ли много для такой «нормальной» реакции? – перебила ее гостья, близко знакомая с историей девочки.

– А почему я дерусь с сестрами? – спросила Зоя.

– Успокойся, – психолог ласково потрепала ее по голове, – все в детстве дерутся со своими сестрами и братьями. Это естественное поведение взрослеющих млекопитающих... – Она задумчиво изучала клок темных волос, оставшийся в ее руке после случайной ласки. – Становление навыков выживания...

– Это странно, – заметила девочка, – потому что они не мои сестры.

– А чьи? – брезгливо содрогнулась психолог, тряся рукой с волосами над раковиной.

– Они папины дочки.

– А ты чья дочка?

– А я – мамина и птицына.

– Не поняла, – вынуждена была сознаться психолог, не реагируя на жестикуляцию второй гостьи.

Та пыталась объяснить ей полную бесперспективность и даже опасность подобных бесед с девочкой.

– Прекрати, Мара, ты же не глухонемая, – пристыдила ее Зоя. – Это птицы съедали с могилы печенье и конфеты. Мама сказала, что будет глядеть на меня с неба и всегда будет рядом.

Она ждала, переводя взгляд с одного лица на другое. Реакции не последовало. Освободив наконец руку от волос, психолог решила перевести беседу в другое русло.

– Тебе не больно? – Она показала на голову девочки.

– Ерунда, – отмахнулась Зоя. – Вот тут, видите... – подняв волосы на затылке, она наклонила голову вниз, – два шрама. Вот тогда было больно. Мне их зашивали. Вон еще на коленке и на плече. На плече укус. Глубокий! Врач сказал, что шрам останется навсегда.

– У меня тоже есть шрам на коленке, – неуверенно заметила психолог. – Я в детстве упала...

– А кто упал на вас?

– На меня?

– На вас упала парочка сестер или братьев?

Психолог была вынуждена сознаться, что – нет. Никто на нее тогда сверху не падал.

– Вот видите! – снисходительно заметила Зоя. – Вы каких птиц любите?

– Я?.. Всяких. Нет, подожди, я не люблю ворон, – определилась психолог, справившись с неожиданной сменой темы разговора.

Вторая гостья, осмотрев лицо Зои, ушла, оставив их в ванной вдвоем.

– А горлиц любите? – настаивала девочка.

Психолог была вынуждена сознаться, что понятия не имеет, как выглядит горлица.

– Я тоже не знаю, – грустно заметила Зоя. – Мама всегда будет рядом со мной при помощи птиц. Так и в книжке написано. Птицы помогут выбрать чечевицу из золы, когда понадобится. «Хорошую – в горшочек, поплоше – ту в зобочек». И они обязательно выключают моим сводным сестрам глаза.

– Как это? – От удивления психолог села на резную скамью у стены.

Зоя под села к ней.

– Это будет на свадьбе. Когда принц наконец определится и мы поедем в церковь жениться, сестрички захотят сесть рядом со мной в свадебной повозке, украшенной цветами. А у меня на плечах будет сидеть по голубю. Они выключают одной сестре левый глаз, а другой – правый.

В ванную вернулась вторая гостья со льдом в полотенце. Она заставила Зою поднять лицо и приложила лед под левый глаз.

– А когда мы будем возвращаться из церкви, одноглазые сестры поменяются местами, чтобы хорошенько меня видеть, и птицы выключают им еще по глазу.

Психолог растерянно посмотрела на вторую гостью. Та сидела рядом с девочкой, прислонив ее голову к себе и придерживая рукой лед.

– Тетя Мара, у меня так щека отморожится и отвалится.

– Не отморожится. – Тетя Мара отводила глаза и не замечала взглядов тети психолога.

– А когда в прошлом году в горах сестрички закопали меня в снег и потом сидели полчаса сверху, врач сказал, что еще несколько минут, и нос бы у меня отвалился! Потому что Маринка сидела на моей голове и носом я влипла в снег.

– Забудь, – предложила тетя Мара.

– Вам жалко моих сестер, да? – спросила Зоя у психолога.

Поскольку та не ответила, растерянно соображая, кого ей больше жалко, Зоя предложила свой вариант объяснения выклеивания глаз у сестричек.

– Они же мазохистки!

– Кто они? – не поверила своим ушам психолог.

– Мазохистки. Не традиционные, а с отклонениями. Они меркантильные мазохистки.

– Детка, – попросила тетя Мара, – не надо опять рассказывать посторонним людям о своих проблемах с сестрами.

– Не буду, – легко согласилась Зоя. – Но спорим, Маринка отрубит себе большой палец на ноге, а Иринка запросто оттяпает кусок пятки и не поморщится?

– Зачем? – в ужасе прошептала психолог.

– Я же сказала: из меркантильных соображений – чтобы выйти замуж за принца. Им туфелька не будет налезать. Они отрубят себе лишнее, принц, конечно, вынужден будет выполнить свое обещание о женитьбе, но птицы! – Зоя многозначительно подняла палец. – Птицы пропоют:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

– Какой башмак в крови? – шепотом спросила психолог.

– Золотая туфелька, – с готовностью разъяснила Зоя. – Они себе поотрубают лишнее, чтобы натянуть золотую туфельку и выйти замуж за принца. А кровь-то потечет! – зловеще прошептала она, грозя пальцем.

– Золушка, прекрати, – тихо попросила тетя Мара, убирая от ее лица полотенце со льдом.

– Так это все фантазии из сказки! – с облегчением выдохнула психолог. – Как же ты меня напугала! Золотая туфелька, надо же! А я почему-то думала, что она должна быть хрустальной.

– Я больше не могу это слушать, – сказала тетя Мара и ушла.

Убедившись, что за нею закрылась дверь, Зоя доверительно заметила, что туфелька была золотой, помогли Золушке птицы, а не какая-то там крестная, а птицы, как она уже говорила, – посланники ее умершей матери, которая таким образом всегда находится рядом с дочерью.

– Ладно, допустим, – уступила психолог, – но отрубить топором большой палец на ноге?.. И эти выклеванные глаза...

Зоя уверила сомневающуюся гостью, что именно так и написано в сказке. Сестры отрубили себе: одна палец, а другая – кусок пятки. И птицы точно выклевали им глаза – оба! – потому что сестры-мазохистки, даже оставшись одноглазыми, не побежали в тавмопункт, а поменялись местами возле Золушки, после чего ослепли полностью.

– Кто это... такое написал? – возмущенно поинтересовалась тетя психолог.

– Братья Гримм, – ответила Зоя и пояснила: – Но в наших судьбах есть некоторые неточности. Например, отсутствие мачехи. В сказке мачеха Золушки сама посоветовала своим родным дочерям поотрубить кое-что на ступнях. Сначала старшей, потом младшей.

– Не-е-ет... – простонала психолог, впав в полное отчаяние от такого варианта группового сказочного сумасшествия.

– Да! – убеждала ее Зоя. – Она была уверена, что ее дочь после такого фокуса с надеванием золотой туфельки станет королевой и вообще больше никогда не будет ходить пешком. Понимаете?

Психолог затравленно посмотрела на девочку. Желание объяснить странные фантазии ребенка у нее пропало напрочь.

– Несоответствия, – объяснила Зоя. – Мачеха, понимаете?

– Нет.

– У нас нет мачехи. Мой отец женился на моей матери, будучи вдовцом с двумя дочерьми. Не сходится. Должна быть хоть какая-то мачеха.

– Я запуталась, – созналась гостья, мечтая выбраться из огромной – метров двадцать – ванной комнаты.

– Вы натуральная блондинка? – прищурилась девчонка здоровым глазом.

– Я?.. – опешила гостья. Поправила волосы пшеничного оттенка на плечах и созналась:

– Нет. А что?

Тогда Зоя кивнула удовлетворенная:

– Не люблю блондинок. Заметили? – У моих сестер светлые волосы. А я брюнетка. – Она вздохнула и закончила с затаенной беспечностью: – Ну что, будете моей мачехой?

– А как же... – растерялась психолог, – твой отец? Разве он...

– Он пожарный.

– Да, но разве не он выбирает себе жену, которая может стать вашей... твоей мачехой?

– Повторяю, он – пожарный! – повысила голос Зоя. Поскольку тетя психолог продолжала смотреть на нее удивленно, Зоя снисходительно пояснила: – Все пожарные после сорока – импотенты. Он совершенно не будет вам досаждать. Можете на этот счет не волноваться.

– Досаждать?.. – прошептала психолог. – Не волноваться?!

– В плане секса, – многозначительно подняла брови Зоя.

Психолог встала, потом подумала, осмотрела ванную комнату с вьющимся плющом по стенам и букетом роз на подоконнике арочного окна, и ей стало стыдно, что она спасовала перед какой-то толстой коротконогой девчонкой, да еще и конопатой.

Зоя поняла ее сомнения по-своему и тут же стала убеждать:

– Зато отец богат. Проворачивает какие-то странные делишки со своими коллегами-спасателями. Он совсем нежадный. Еще он часто уезжает за границу в разные командировки на места бедствий. Как консультант. С оборудованием. Чем страшней бедствие, тем выше командировочные.

– Зоя... – Женщина присела перед сидящей на скамье девочкой и заглянула снизу в светло-карие, почти желтые глаза. – Почему ты решила, что мне нужен именно такой муж?

– Богатый? – прищурилась Зоя.

– Нет. Который... не будет досаждать, – определилась психолог, стараясь смотреть в Зоины зрачки.

– Но вы же лесбиянка, – с легким удивлением ответила Зоя.

– Я?... – От неожиданности женщина села на пол. Попе стало тепло и уютно.

Пол с подогревом.

– Кто тебе сказал? – прошептала психолог.

– Никто, – Зоя отвела глаза. – Я знаю, и все.

– Как это – знаю? Как это – все?! – Женщина встала и прошлась туда-сюда перед девочкой.

– Я знаю, о чем вы думаете... иногда.

– Врешь, – выдохнула психолог.

– Начинается! – вздохнула Зоя. – Не парьтесь, я никому не скажу. Я бы и вам не сказала, просто хотела уговорить на сделку.

– Какую еще сделку?!

– Вы становитесь моей мачехой, живете в свое удовольствие и делаете иногда так, как я попрошу. Тогда я никому ничего не расскажу, всегда вас прикрою, если нужно.

– То есть ты собралась меня использовать, да еще с помощью шантажа?

– Все люди друг друга используют. При полном взаимопонимании шантаж не требуется.

Женщина задумалась, потом посмотрела на девочку в озарении.

– Ты ведь мне не первой предложила стать мачехой? Сколько их было – претенденток?

– Штук пять-шесть, – промямлила Зоя.

– И перед каждой подобной беседой ты дралась со своим сестрами, так?

– Это несложно. Мы деремся регулярно. Если бы меня не было, они бы дрались друг с дружкой. Я уже говорила – врожденный мазохизм.

– И все-таки мне кажется, что ты сама устраиваешь свое избиение сестрами для последующего разговора с очередной претенденткой. Чтобы сразу выступить в качестве жертвы, которой нужна помощь. Так?

После долгого молчания Зоя серьезно ответила:

– Я подумаю над вашей версией. Раньше я не придавала этому значения. К взрослому человеку трудно просто так подойти и завести беседу на тему его потаенных желаний.

– Ты можешь узнать потаенные желания любого человека?

– Иногда... – пожала плечами Зоя.

– Я тебе не верю.

– И правильно делаете. Просто я заметила, как вы переглядывались с тетей Марой. А она – мужененавистица. Так вы согласны?

– Я хочу поговорить с твоим отцом. – Психолог решительно направилась к двери.

– Отлично, – уныло кивнула Зоя. – Это как раз дверь в его спальню. Выход в холл – там, – она показала на другую дверь. – Хочу предупредить...

Психолог остановилась.

– Если вы согласны стать моей мачехой, говорите со мной. А если хотите пожаловаться, это плохая идея. У отца сегодня небольшая вечеринка. С кем вы пришли?

– С Марой, а что?

– Это хорошо, что не с мужчиной. Драки не будет. Это хорошо.

Пожав плечами, женщина вышла.

Из другой двери тут же проскользнули Маринка с Иринкой.

– Ничего не вышло, да? – спросила Иринка, садясь слева от Зои.

– Почему ты им сразу выдаешь свои разоблачения? Лесбиянка, нимфоманка, кто там еще был? – спросила Маринка, садясь справа.

– Эротоманка, мужененавистица и беременная, – подсказала Маринка.

– Была еще поэтесса, – вспомнила Иринка.

– Вы, дуры припадочные, выдрали мне волосы. – Зоя наклонилась, закрыв лицо ладонями.

– Будешь плакать? – ехидно поинтересовалась сестра справа и посмотрела на сестру слева.

Обе приснули.

Из холла послышались крики и звуки падающих предметов.

– Бежим! – сестры бросились смотреть.

Отец

– Где она? – раздался громкий мужской голос. – Зойка! Ты где?

– Она в ванной, в ванной! – радостно защебетали сестры.

– Ходь ко мне мигом!

– Она там плачет, представляешь? – Сестры крутились возле высокого и весьма упитанного мужчины лет сорока пяти.

Он не обращал на девочек никакого внимания.

– Зойка, выйди, а то хуже будет! – грянул его могучий бас, от которого задрезжали хрустальные подвески на большой люстре под потолком. Высоко – метрах в четырех от пола.

Дверь в ванную открылась. Заметив это, здоровяк с густой седой шевелюрой и красным лицом взял стул с высокой спинкой и поставил его посередине комнаты. Гости отступили к стенам, некоторые поспешили прошмыгнуть в коридор, чтобы потихоньку уйти. В дверях гостиной показалась растерянная психолог.

Зоя направилась к сидящему мужчине, понурившись. Так же, не поднимая головы, она подошла, протянула руки, и мужчина подхватил ее под мышки и легко посадил на колени. Зоя прижалась лицом к его груди.

– Ревешь? – Он положил руку ей на затылок, и голова девочки скрылась под его пятерней. – А ведь обещала так больше не делать. Ты обещала не реветь? Хочешь, я выпорю эту крашеную ссыкуху при всех на конюшне? Она такого про тебя наговорила.

Лица гостей (их было человек десять) повернулись в сторону двери. Там стояла бледная психолог и, судя по выражению лица, не верила своим ушам.

– Что?.. Не хочешь? – Мужчина склонился к голове девочки. – Как знаешь. Тогда давай хоть выгоним ее с шумом, обольем из брандспойта, а? Не хочешь? Ну, так неинтересно.

Мара подошла к застывшей в дверях гостье и за руку потащила ее к выходу. Психолог зачем-то задержалась у стула, но хозяин дома, Виктор Лушко, метнул в нее такой ужасающей силы взгляд, что она, едва справившись с подогнувшимися ногами, очень быстро нашла выход.

– Я не понимаю! – громко объявил хозяин гостям, которые начали понемногу шевелиться. – Я совсем не понимаю, ну почему как психолог – так обязательно лесбиянка?

Садовник

Утром Зоя Лушко сидела на террасе и ела сливы. Прилетела ворона и села напротив – на перила. Под тихое стрекотание газонокосилки – садовник Елисей трудился спозаранку – ворона что-то пробормотала, вычищая когтем клюв. Зоя выстрелила в нее косточкой. Ворона укоризненно посмотрела на девочку одним глазом и на всякий случай вперевалку отодвинулась по перилам на три шага в сторону.

Зоя вытащила изо рта очередную косточку и прицелилась. Ворона крикнула укоризненно, потом еще раз – громко и замахала крыльями, угрожая.

Садовник Елисей свободной левой рукой залез в карман темно-зеленого комбинезона, достал пистолет и, не останавливаясь, руля газонокосилкой, выстрелил в сторону террасы.

Ворона упала на траву. Зоя вскочила, подбежала к перилам и посмотрела вниз, на птицу, потом – на садовника. Он спросил кивком головы: «Ну как?»

– В голову! – крикнула Зоя.

На выстрел из дома выбежал Виктор Филимонович в широких семейных трусах в клеточку. Смешно растопыривая босые ноги – роса, – подбежал к садовнику и залепил тому сильную оплеуху.

Садовник Елисей выключил газонокосилку и наподдал хозяину ногой под зад. Виктор Филимонович вынужден был после этого продемонстрировать профессиональный хук левой. Садовник упал возле газонокосилки, раскинув руки в стороны. Потирая костяшки пальцев и зевая, Виктор Филимонович пошел в дом досыпать, успев по дороге погрозить Золушке пальцем.

Стоит добавить, что все это происходило в полнейшем молчании и взаимопонимании, что явно свидетельствовало о регулярности действия. Объяснялось это просто. Садовник Елисей устроил себе небольшую голубятню недалеко от хозяйских основных построек, и всех ворон, появляющихся в радиусе двух километров вокруг усадьбы, отстреливал нещадно, опасаясь за голубиный молодняк. Никаких нареканий насчет создания опасной для жизни окружающих обстановки при стрельбе он не понимал, только похмыкивал в пышные желтые усы, еще мог для куража пальнуть из пистолета в подброшенную копеечную монетку. Впрочем, и сами окружающие, собиравшие для него копейки, привыкли к особенностям санитарной очистки усадьбы и местности вокруг нее площадью в 300 гектаров, вот только хозяин сильно нервничал, если Елисей стрелял рядом с ним или дочерьми.

Зоя спустилась вниз, рассмотрела мертвую ворону. Подняла ее за лапы. Из дома на террасу распахнулось окно.

– И не думай! – зловеще предупредил голос отца. – Забыла уже? Опять будешь стирать постельное белье сестер и мыть всю комнату! А если эта дохлятина накапает в коридоре и холле, будешь драить полы неделю!

Зоя вздохнула с сожалением и не стала тащить мертвую птицу в спальню к сестрам.

Кухарка

Останки вороны обнаружили на другой день. Переливая рыбный суп из кастрюли в супницу, кухарка Дездемона несколько секунд с удивлением разглядывала ворох черных перьев в половнике, потом тонко пискнула – странный звук для большого сильного тела – и, только уронив половник в кастрюлю, отчего на нее выплыла когтистая скорченная лапа, разразилась мощнейшим воплем, нарастающим как охрипшая сирена.

Это было в четверг – рыбный день. Хозяин дома не обедал, но сирену своей поварахи услышал за три километра, правда, по телефону: Маринка бросилась звонить папе.

– Что там еще? – спросил он устало, извинившись перед коллегами.

На соседней даче четверо мужчин за круглым столом в это время изучали карту Венесуэлы.

– Ворона. Дохлая. В супе, – доложила Маринка.

– Наводнение. Аэропорт будет закрыт. Отсидеться негде, – заметил один из мужчин.

– Если подеретесь, накажу всех троих, – предупредил в трубку Виктор Филимонович.

Маринка с Иринкой проявили чудеса выдержки, поэтому с восьми вечера до десяти тридцати Зоя одна драила пятилитровую кастрюлю «Пемолуксом». Степень очищения определяла Дездемона. По запаху. Она трижды обнюхивала кастрюлю, кривилась и мотала головой.

– Хоть бы ты, Зойка, кишки из нее вынула! – укоризненно заметила она в третий раз. – Я дохлые кишки по запаху ни с чем не спутаю! И чего ты добилась этой вороной? Только рыбу дорогую испортила.

– Испортила?.. Да я спасла себе жизнь! У меня аллергия на рыбу, сколько раз тебе говорила ее не готовить!

– Ох, испугала! – хохотнула Дездемона, понаблюдав, как Зоя сердито топает ногами. – Я тебе запеканку сделала. А ты со своей аллергией теперь вот чисти кастрюлю. Нравится запах кишок?

– Уже не пахнет.

– Еще как пахнет! Мой нос, – кухарка многозначительно показала на него пальцем, скосив глаза, – не проведешь!

Для чистоты эксперимента Зоя сунула под нос поварахе букет роз и молотый черный перец. За перец получила внушительный шлепок ладонью по левой ягодице, но даже после этого Дездемона помотала головой – не пойдет, чисти!

Это было накануне отъезда девочек в колледж.

– Сама виновата, – заметил Виктор Филимонович, подсаживаясь в темноте к Зое на ступеньки беседки.

Зоя взяла из его руки сигарету и затянулась. Дождавшись у папочки полного столбняка, выдохнула дым в зависшую над беседкой луну и вернула сигарету.

– Пап, – проникновенно попросила Зоя после этого, – переведи меня в другой интернат.

– Опять за свое? – Кое-как справившись с желанием надавать дочери оплеух за курение, Виктор Филимонович на всякий случай загасил сигарету о подошву дорогих ботинок. – Ты будешь учиться с сестрами, и точка! И не надо устраивать показательный дебилизм, как в прошлом году. Все в колледже знают, что ты за один семестр запросто одолеваешь все предметы за два года, и еще хватает времени пакостить! Я предупредил – двойки тебе не ставить. Будешь мыть полы и убирать в конюшне за каждый «незачет».

– Сейчас все серьезней, – уверила отца девочка.

– Например! – хмыкнул он.

– У Маринки начались месячные.

Виктор Филимонович закашлялся, подавившись смешком. Потом они помолчали. Зоя ждала, пока отец переварит информацию.

– Не вижу связи, – выдал он минуты через три.

– Почти у всех девочек из класса уже пришли месячные.

– Это естественный процесс, – уверенно заявил Виктор Филимонович. – Тебе его тоже не миновать.

– Я младше всех! – повысила голос Зоя. – Пока дождусь этого самого естественного процесса, сестры меня изведут! Ну как же ты не понимаешь, я среди девчонок как неполноценная! Я вообще не могу с тобой об этом говорить, почему ты не женишься, в конце концов?!

– Согласен, для тебя это новое ощущение – чувство неполноценности, – кивнул Виктор Филимонович, проигнорировав ее вопрос.

– Ничего подобного!

– Да? – удивился он.

– Да! Да! – крикнула Зоя и вскочила. – Посмотри на меня! Я же уродина. Толстая и конопатая уродина! И всегда такой была.

Виктор Филимонович еще больше удивился.

– Поговорим на эту тему, когда вырастешь.

– Ты тупой, как все папаши, – вздохнула Зоя и села.

– Не нарывайся.

– И уже никогда не поумнеешь! – продолжала нарываться Зоя. – Я не могу находиться в интернате вместе с сестрами. Это несправедливо – у нас разница в возрасте, а мы толчемся в одном классе!

– Раньше надо было думать: писать диктанты с ошибками, не хвалиться своим умом и сообразительностью и не проскакать за год по два класса.

Зоя сердито засопела.

– Зачем ты еще Иринку затащил к нам в класс?!

– А зачем ты ее подтягивала по математике и английскому?!

– Я!.. Я убегу.

– Бегала уже. Не надоело?

– Я убегу так, что ты меня не найдешь!

– И в это мы уже играли, – вздохнул Виктор Филимонович. – Когда-нибудь найду, куда ты денешься... Охранников в колледже сменят, сигнализацию дополнительную установят, вот и вся недолга. Дотяни уж как-нибудь до совершеннолетия, получи образование, паспорт и гуляй на все четыре стороны.

– А до тринадцати?

– Что – до тринадцати?

– Если я закончу колледж в тринадцать? Ты меня потом не зафигачишь в какой-нибудь Оксфорд с сестричками на пару?

– С тебя станется, – пробормотал Виктор Филимонович, совершенно не представляя, что он будет делать с Зойкой через три года. Разве что...

– Договорились, – кивнул он. – Если закончишь с отличием в тринадцать, будем считать твое образование законченным. И тогда...

– Что? – не выдержала дочь его затяжного молчания.

– Выдам тебя замуж.

– Как это?... – оторопела девочка. – А можно?

– Ты же знаешь, я все могу. Я даже знаю, за кого тебя выдам.

– Заметано! – вскочила Зойка.

– Ты что, не спросишь – за кого?

– Мне все равно, – как можно равнодушнее ответила девочка.

– Нет, ну ты должна знать, вдруг...

– Понравится! – уверила его Зоя. – Только есть одно условие.

Виктор Филимонович выдохом снял напряжение, вдруг накотившее спазмом мышц живота. Все не так безнадежно, девчонка в своем уме, раз у нее есть условие, а за три года...

– Одно условие? – уточнил он.

– Одно. Моя свадьба будет первой.

– Не понял, – сознался отец.

– Я выйду замуж первой, а сестры – потом.

– Понял, – кивнул Виктор Филимонович.

Он начал считать, сколько лет будет старшей – Маринке... а Иринке? – она на год младше. Получалось, что через три года, когда Зое исполнится тринадцать, Маринке будет шестнадцать, а Иринке пятнадцать. Все нормально. Зойка пойдет на рекордный трехлетний рывок, а ее сестрам придется «париться», как они выражаются, в колледже еще лет пять как минимум... Какие могут быть свадьбы? Очень довольный собой – теперь эта самая большая заноза в его жизни будет занята по самое горло, – Виктор Филимонович совершил роковую ошибку. Он сказал:

– Договорились!

И не просто сказал, а когда Зойка потребовала подписать договор у юриста, отнесся к ее просьбе очень серьезно.

К полуночи подъехала Мара.

– Что-то случилось? – спросила она, едва выйдя из машины.

– Ничего не случилось, Зойка захотела подписать договор, – весело объявил Виктор Филимонович. – Если закончит за три года свое образование, я выдам ее замуж!

– Я же тебя просила! – сердито хлопнула дверцей Мара. – Просила не принимать важных решений накануне вылета на работу!

– Заткнись и заверь наш договор, – рассердился хозяин.

– Почему здесь челядь топчется? – развела руками Мара.

– Свидетели мы, – объяснил садовник Елисей. – Так Зойка сказала.

– Дали девчонке волю с детства, вот она и куражится, – вздрогнула Мара, кутаясь в платок.

Через пятнадцать минут она, размахивая листком бумаги, возмущенно спросила:

– Кто это сочинял?

– Зойка написала, а что? – Виктор Филимонович вырвал у нее листок и понял, что придется все внимательно прочесть.

– Штрафные санкции читал?

– Штрафные?... Доча, ты что? – он нашел глазами зевающую Зою.

Та сидела за столом между садовником и кухаркой и изображала, что помирает от скуки.

– Ты юрист, ты и объясняй, что она там мне припаяла за невыполнение договорных обязательств. – Виктор Филимонович сунул бумагу Маре и потребовал, многозначительно подвигав бровями: – Вкратце.

– Вкратце? Тогда так. Если ты не выдашь Зойку замуж в тринадцать лет, после выполнения ею своих обязательств по учебе...

– С ее учебой все понятно, – перебил Виктор Филимонович.

– А тебе понятно, что по нашему законодательству она не может выйти замуж до достижения ею хотя бы шестнадцати лет?

– Не отвлекайся! – повысил голос хозяин и подмигнул дочери. – Что там будет, если не выдам ее замуж?

– Она... Она требует должность Афони Каурского.

– Царство ему небесное! – поспешно перекрестилась Дездемона.

– Не понял! – воскликнул хозяин. – Афони, который подорвался?

– Вот она и требует, чтобы ты обеспечил ей полное обучение подрывному делу и взял в отряд спасателей. Если уж у тебя не получится выдать ее в тринадцать лет замуж.

– Зачем?.. – все еще не мог понять Виктор Филимонович и гнал от себя предчувствие неприятностей.

Садовник Елисей, потрогав распухшую правую скулу, вдруг поддержал Зойку:

– Вместо Афони, значит. А что? Она девчонка сообразительная и не без этого самого... – Он неопределенно повертел рукой перед лицом. – С чутьем и пониманием жизни.

Виктор Филимонович внимательно посмотрел на него, скомкал договор и бросил его на пол.

– Ложный вызов, – сказал он Маре, вставая. – Мой шофер тебя отвезет и до квартиры доведет, половина первого ночи все-таки. А с тобой!.. – он ткнул пальцем в Зойку, та съежилась. – С тобой у нас отдельный разговор будет... – Виктор Филимонович подумал несколько секунд, потом кивнул: – В каникулы!

– Давай хоть какой-нибудь договор подпишем, – тихо попросила Зоя. – Сам составь, я подпишу...

– Обойдешься. Я с тобой как со взрослой, а ты!.. Вместо Афони, вы только послушайте! Детский сад, честное слово!

– Кстати, о честном слове, – решила успокоить девочку юрист Мара. – Устное соглашение в присутствии свидетелей тоже считается юридически обоснованным фактом совершения сделки. Если свидетели, конечно, согласятся впоследствии этот самый факт подтвердить.

Она нарочито серьезно смотрела по очереди на садовника и на Дездемону. Елисей сообразил первым, закивал поспешно, приложил ладонь к груди:

– Да я за Зойку!.. Да я ее хоть сей момент готов объявить своей будущей женой!

– Дурак! – дошло и до Дездемоны. – Очень ты ей нужен, мужлан неотесанный, если она уже через три года учебы в этой Прибалтике *бакаланом* будет!

– Бакалавром, – поправила Мара.

– Что это за ерунда? – удивился Виктор Филимонович.

– Так по-европейски называется тот, кто у нас, например, закончил техникум и имеет специальное среднее образование.

– Значит, то, что у нас – пэтэушник, по-ихнему – баклан... – пробормотал Виктор Филимонович и, метнув в Зою тяжелый взгляд, приказал:

– Выйди!

Зоя поспешно шмыгнула за дверь. Прошла по коридору и на цыпочках вернулась к гостиной.

В комнате как раз установилась тишина. Хозяин выяснял, кто сообщил Зойке о смерти подрывника Афони. Тишина затянулась.

– Она могла узнать только от своих! – настаивал хозяин.

– Зачем нам говорить ребенку о таких вещах? – первой приняла на себя гнев хозяина Мара.

– Зачем?! – завелся тот сразу. – А зачем мне подсовывают психолога? Зачем эта дура потом приходит ко мне и начинает нести ахинею о мужской импотенции? Зачем, спрашивается, если она должна была всего лишь устроить реали... рилиа...

– Реабилитационное восстановление, – подсказала Мара.

– Сам знаю! Она должна была устроить восстановление всем, кто видел, как Афонию разнесло на куски! А вместо этого пришла ко мне и стала выяснять...

– Это я виновата, – перебила его Мара. – Привела ее на вечеринку. Для общего знакомства...

Виктор Филимонович посмотрел на нее и как будто выключился. Грузно растекся на стуле.

- На то ты и юрист, чтобы быть виноватой, – пробормотал он.
- А я тут вспомнил, – внедрился садовник Елисей, – когда в прошлом году наших двоих погребло под музеем, Зойка ведь тоже тогда знала, кто умер!
- Да она наверняка подслушивает все время под дверь, – устало отмахнулась Мара. Все посмотрели на дверь. Зоя с той стороны начала отходить на цыпочках.
- А вы уже знаете, кто жених? – вдруг спросила Дездемона.

Принц

И Зоя вернулась к двери.

– Конечно, знаю. Тимурка, сын Абакара. Что? – Хозяин по очереди оглядел присутствующих. – Что это у вас морды вытянулись?

– Принц Тамерлан, – задумчиво проговорила Мара. – А Абакар в курсе?

– В курсе, не в курсе!.. – отмахнулся хозяин. – У кого из наших есть дети? Ты, юрист, знаешь?

– Конечно. У четверых.

– Вот то-то и оно! А почему? А потому, что мы четверо образовали костяк нашей группы, а потом уже подбирали себе людей одиноких и бессемейных. Тебя, например, бедолагу, я из ночного бара вытащил, – злорадно заметил он.

– Не начинай, – скривилась Мара. – Сейчас заведешься про наркотики и незащищенный секс.

– Про секс пусть с тобой психолог разбирается. У нее осталось две недели испытательного срока. А я про детей толкую. У четверых наших есть дети. Трое моих девок, сын Абакара, девчонка у летчика и двое внуков у химика. Так? – повысил он голос.

Садовник Елисей, подняв глаза к потолку, вероятно, вспоминал свои грехи молодости. Дездемона отвела взгляд. Мара смотрела на Виктора Лушко с удивлением.

– Так! – выждав с минуту, утвердительно изрек хозяин. – Мы четверо друг на друга детей переписали. Если что случается, выжившие растят сирот, как своих. И бумаги заготовили соответственные по опекунству. Так что этот самый принц Тимурка, считай, уже мой сын. Могу я иметь виды на его дальнейшую судьбу? То-то! – уверенно закончил он.

Рано утром, пока шофер готовил машину, Зойка пробралась в спальню отца и оседлала его живот. Виктор Филимонович, повредив в одной из спасательных операций что-то в позвоночнике, спал на полу на раскатанном матрасе. Он замычал, когда Зоя постучала по его животу пятками, потом заметил, просыпаясь:

– А еще жаловалась, что уроки по конному спорту тебе не прут.

– Не прут, – кивнула Зоя. – У меня ноги для лошади коротковаты. Инструктор сказал, пусть отец купит пони.

– А ты что? – совсем проснулся Виктор Филимонович.

– А я сказала, что скорее ты ему венюк купишь.

Виктор Филимонович, сдержав улыбку, скинул девчонку с живота и сел.

– Грубо, – заметил он. – Плачу, плачу за твое образование, а ты разговариваешь, как пацанка.

– Он все равно не понял. Он поляк. В Литве много поляков.

– Поляк... Стремена подтягивала?

– А что толку? – вздохнула Зоя. – Обидно. За каждую провинность в интернате меня, по твоему хотению, кстати, заставляют чистить конюшню. Ладно бы я хоть удовольствие от верховой езды получала, а то – пони!..

– Я могу поговорить с директрисой.

– Не надо! – поспешно воспротивилась Зойка.

– Что, суровая она у вас?

– Она нормальная, только слишком заботливая. Лезет не в свои дела.

– Какие такие не свои? – заинтересовался Виктор Филимонович.

– Она завела картотеку на родителей. Всех поделила на виды, подвиды, ну и вообще...

– А поподробней? Что за досье? По деньгам, по делам, по должности?

– Нет. По своим ощущениям.

– И какие у нее насчет меня могут быть ощущения? – удивился Виктор Лушко. – Виделись пару раз, когда я вас в колледж устраивал.

– Ей этого хватило. Она классифицировала тебя в желтую папку.

– И что плохого – быть в желтой папке? Чего это ты приуныла?

– Да ничего плохого, вторая степень риска, – тоскливо отозвалась Зойка, жалея, что завела этот разговор. – В общих чертах – недостаток образования, личностная переоценка, тщеславие, самоуверенность, непредсказуемость...

– Есть у меня такое дело, как недостаток образования, – согласился Виктор Лушко, не считая все остальное, перечисленное Зойкой, недостатками. – А тебе кто дозволил рыться в чужих папках?

– Я не рылась.

– Ладно. Хватит о бабских загибах говорить. Давай по делу. Чего пришла спозаранку?

– Я подумала... Я тут подумала, за кого ты можешь через три года выдать меня замуж?

И хочу сразу сказать – за чурку не пойду.

Виктор Филимонович встал, подтянул повыше резинку семейных трусов и так странно посмотрел на дочь, что та нервно вскочила и отошла подальше.

– Это ты так обзываешь моего друга, моего кровного брата – Абакара? Чуркой?!

– Я... Я подумала, что у него есть сын, и ты захочешь...

– Его сын – мой сын! И кровь у него царская.

– Но он же узбек, а в Узбекистане царей...

– Он потомок Александра Македонского! – закричал Виктор Филимонович. – Самого Македонского! Ты смеешь называть Македонского чуркой? Молчишь?

– При чем здесь Македонский? – пролепетала Зоя.

– Историю учить надо! Александр Македонский был женат на узбечке! От ее детей пошла ветвь Абакара!

– Да я учу, – пробормотала Зоя, задумалась и выдала на свой страх и риск: – Не было тогда еще узбеков, когда Македонский...

– Конечно, не было, вижу, что кое-чему тебя в этом евроколледже научили! Какую область завоевал Македонский в том месте, где сейчас бывшая советская Азия? Говори немедленно!

Зоя закрыла глаза, сосредотачиваясь. Она напряглась, сжала веки. На верхней губе выступили капельки пота. Наконец, рассерженно топнув, она открыла глаза и с яростью выкрикнула:

– Ты сам не знаешь!

– Я не знаю?!

– Не знаешь! Ты забыл. Не можешь вспомнить!

Потом, глядя, как отец забегал по комнате, длинно выдохнула, еще раз закрыла глаза и успела выставить руку перед ним до того, как он размахнулся кожаной плеткой.

– Согдиана! Эта область называлась тогда Согдиана. В том месте, где сейчас Азия и часть Афганистана...

– Правильно, – опустил плетку Виктор Филимонович. – Значит, женщина Македонского была согдианкой. Так? Так, я спрашиваю?!

– Так... – прошептала Зоя.

– А по расчету сегодняшних старейшин ее потомки имели смешанную узбекско-таджикскую кровь, но узбекской было больше!

– Ладно, – устало отмахнулась Зоя и без сил опустилась на матрац.

– Так кто есть мой друг и брат Абакар?

– Потомок Александра Македонского, – пробормотала Зоя.

– А его сын Тамерлан? Говори!

– Тоже... потомок.

– Потомок царя Македонского, то есть – принц! Уяснила?

– Уяснила... Только в те времена в Македонии слова «царь» не существовало, – для справедливости пробормотала Зоя себе под нос.

– А теперь говори, зачем пришла.

– Попрощаться... – пожала плечами Зоя.

– Я тебя чуть не выпорол, но ведь не выпорол же, поэтому мы расстанемся по-хорошему, – разложил все по полочкам отец. – Собралась?

Зоя кивнула.

– Тогда выйди отсюда и дай мне собраться. У тебя дорога дальняя, а у меня – еще дальше.

– Ты хотя бы летишь на самолете, а нам до Вильнюса на поезде тащиться.

– Откуда ты знаешь, что я лечу на самолете? – застыл Виктор Филимонович, строго соблюдавший дома обет молчания по поводу своей работы и направления поездок.

– А как еще можно попасть в Венесуэлу, – пробормотала Зоя, чувствуя, что говорит лишнее, но остановиться не могла.

– И как же? – прошептал отец.

– На самолете... До Каракаса...

Виктор Филимонович стал отступать назад, пока икры его ног не уперлись в кресло. Тогда он сел, не спуская глаз с девчонки.

– Может быть, ты даже знаешь, зачем я туда лечу? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Да я все думаю, думаю... Зачем ты туда летишь? Там все в порядке, никаких катаклизмов. А ты думаешь, что там завтра будет наводнение. Мне совершенно непонятно, почему ты так думаешь.

– Ты знаешь, о чем я думаю?..

– Иногда. Я уже говорила, что умею читать мысли.

– Вот как. Значит, ты можешь читать мои мысли?

– Не всегда, а только...

– И о чем я сейчас думаю? – перебил ее Виктор Филимонович, поднимаясь.

Резко развернувшись, Зоя бросилась к двери, и, скатившись по лестнице на первый этаж, забежала в столовую и залезла под стол, ухватившись там за лодыжку Дездемоны, – и все это за четыре секунды.

Дездемона наклонилась и заглянула под стол. Ее рыжие вьющиеся волосы, выбившиеся из-под косынки, слегка шевелились от сквозняка, к лицу от неудобной позы прилила кровь, и оно стало красным.

– Ну? Что еще замыслила? Покажи руки, – потребовала Дездемона.

– Я не понимаю, – прошептала Зоя, но руки примерно вытянула. – Я просматриваю все сводки метеослужбы. Я даже переписываюсь по Интернету с австралийцем и канадцем, они работают на специальных станциях. Никаких наводнений!

– Оладьи будешь?

Зоя выбралась из-под стола.

– Ты что, хочешь замуж? – спросила Дездемона, подвигая к ней тарелку с оладьями и ягоды со сметаной.

– Не знаю, – честно ответила Зоя.

– А зачем тогда отцу голову морочишь?

– Ты, Дездемона, дремучая – жуть! Откуда я знаю, чего буду хотеть через три года? Я закончу досрочно образование, выйду замуж в тринадцать, в пятнадцать – разведусь! А что? Все разведятся. То, на что у многих уходит полжизни, у меня будет пройденным этапом к совершеннолетию.

– И что потом? – опешила Дездемона.

Зоя задумалась, глядя в окно. Горестно вздохнула.

– Потом уйду в монастырь.

Кухарка несколько секунд напряженно смотрела в лицо девочки. Зоя стойко плескала карюю грусть в глазах и не подпустила смешинки. Дездемона, все же чуявшая подвох, сердито ударила по столу полотенцем.

– Ладно, я – жуть дремучая, а ты у нас – умница, благоразумница, подумай своей малолетней башкой! – Она выразительно постучала себя по высокому голландскому лбу. – Подумай десять раз, зачем люди женятся. А потом уже договоры устраивай.

– Ну и зачем они женятся? – снисходительно поинтересовалась Зоя.

– Понятия не имею! – злорадно развела Дездемона руками. – Я – жуть дремучая, замужем не была и не собираюсь! – Она нервно заправила волосы под косынку и уставилась в окно.

– Ты была с мужчиной, у вас есть ребенок, это все равно как замужество, – выдала Зоя и закрыла глаза.

– Что ты сказала? – Женщина у окна резко повернулась.

– Прости, Мона, со мной сегодня что-то не то, прости...

– Ты рылась в моих вещах? Да как ты смеешь?!

– Я не рылась! Я просто слушаю, о чем ты думаешь. Наверное, я не выспалась и не могу себя контролировать, болтаю и болтаю...

– Если ты знаешь, о чем я сейчас думаю... – зловеще начала Дездемона.

– Ладно, ладно! – Зоя встала и на всякий случай обошла стол. – Что это с утра все такие агрессивные?

Она отступала до двери спиной, а потом выбежала из дома.

Садовник

Елисей на улице проследил взглядом направление ее передвижения, достал из кармана комбинезона наушник и воткнул в ухо. Через несколько минут он услышал в наушнике голос девочки – значит, эта заноза уже взобралась на голубятню, чтобы поговорить с матерью. Девочка часто так делала – предпочитала залезать на голубятню, а не идти к каменной беседке рядом, в которой была захоронена урна с прахом. Рядом с захоронением по приказу девочки – строго по тексту ее путеводной сказки – был посажен орешник. Орешник мужественно чах в тени беседки, хотя Елисей и удобрял потихоньку его корни тушками убитых ворон, которые не понадобились Зое.

Для слежки за любимыми птицами у Елисея в голубятне было установлено несколько прослушивающих приборов, чтобы он мог на расстоянии узнать по звукам птичьего переполоха, что там не все ладно. Елисей вообще предпочитал любой музыке или радиоболтовне звуки из этих приборов – голубиную воркотню, шорох и легкое цоканье коготков, и шум воздуха от взмахов крыльев. Голос девочки с жалобами и слезами он тоже переносил спокойно, не различая слов, угадывая, когда она возьмет птицу в руки, и – тихое ур-р-р... ур-р-р... у ее лица. Так ласково урчит только орловская белая с пятнышком. Зойка еще любит брать в руки якобина с воротником, как у камеристки с картины, но тот – сноровистый – сопротивляется, скандалит. Елисей, представив девочку с голубкой у лица, застыл в блаженном состоянии невесомости – ни единой тяжелой мысли в голове! – которое он считал истинным счастьем.

В этот момент над ним слегка дрогнуло небо – эхом, отзвуком выстрела. Елисей очнулся, удовлетворенно кивнул сам себе и потряс над головой пластиковой метелкой, которой сгребал листья. Так он обычно приветствовал истребление ворон садовником господина Абакара на соседском участке. В трех километрах от Елисея его коллега только что уложил зазевавшуюся ворону у своей голубятни.

В округе была еще одна большая голубятня – в летней резиденции директора птицефабрики – километрах в шести на запад. Садовника у директора не было, Елисей знал – там с воронами борется вторая жена директора, но совершенно гнусно – по-бабски. Она рассыпала где ни попадя ядовитый корм, поэтому директор птицефабрики уже лишился трех якобинок и двух гривунов редкой расцветки. А воронам – что? Умные. Одна сдохла от такого корма, остальные к нему и близко не подходят. Вот так. А больше – от Конюхова до Степанихи – никто серьезно голубями не похвалится. Тут Елисей подумал, кому хвалиться-то? Серьезных усадеб не больше четырех. Таких, чтоб в диаметре километра по три. А между ними если и есть ничейная владимирская земля, так она вольная, без людей, или вообще – болота.

А в это время, пролетая над Англией...

Мачеха

Медея. Рост – 187, брюнетка, бюст – 92 идеальной формы (импланты), талия – 63, размер ноги – 40, не работает обнаженной, без вредных привычек, вынослива (до трех показов в сутки), 5 иностранных языков, коммуникабельна, не замужем, детей нет.

Медея прочла резюме под своей фотографией в справочном дайджесте и хмыкнула. Она летела в самолете на один-единственный показ – ожерелье и диадема с изумрудами. Волнами прибоя снизу, от земли, накатывал рассвет. Три с половиной минуты прогулки по подиуму. Пять-шесть минут – позировать фотографам. Еще от полутора до двух часов – фотосъемка с профессионалом под яркими лампами, в присутствии четырех охранников – драгоценности стоят баснословные деньги. И все.

Лондон не нравился Медее. Ее напрягала строгая сумрачность зданий и равномерная сочность зелени. В полдень – показ, самолет – поздно ночью, в гостинице – скука. Поехать, что ли, в одно-единственное место, которое только и интересно в Англии? В сад камней – Стоунхендж?.. А что? На вертолете можно быстро обернуться. Этот круг из каменных глыб, собранных кем-то за пару тысяч лет до нашей эры, действовал на Медею как затяжное успокоительное – еще несколько дней после посещения капища она нравилась себе до любования, а все проблемы казались ничтожными. Решено. Медея позвонила своему агенту в Англии и заказала вертолет. После этого закрыла глаза и стала думать о работе. Точнее – об изумрудах. Ей шел зеленый цвет, но Медея никогда не встречала в изумрудах той зелени, которая может точно определить принадлежность к цвету. Для Медее изумруды делились на прозрачные и тусклые. Камни с отличной огранкой улавливали любой проблеск света, преображаясь изнутри до самых разных оттенков золота в зелени. Тусклые изумруды мерцали болотной тайной и нравились Медее больше.

Демонстрировать себе камни – особая привилегия фотомодели. Это тебе не пройтись в эпатажном платье по подиуму, затаив глаза паутиной скуки. Между ожерельем и диадемой живет лицо, его-то и нужно подать определенным образом, а вот выражение этого лица Медея как раз и не могла для себя определить, пока не увидит камни.

Медея посмотрела на свои руки. Они были ее проблемой. Совершенно непостижимым образом они привлекали к себе внимание в самых навороченных нарядах и при катастрофически инопланетном макияже. В конце концов модельеры стали использовать эту часть ее тела с пользой, слегка украшая запястья или пальцы, но Медея все равно опасалась даже простых движений и невинных касаний одежды пальцами. Ее длинные породистые ладони завораживали странной пластикой, и вот уже зрители первого ряда, зацепившись глазами за малейшее движение пальцев, напрягаются и следят за перемещениями двух изящных зверьков в ярком мелькании тканей, да еще с такими лицами, как будто нашли наконец загадку, что искали в женщине, но, в общем, никогда не верили в нее.

Объявили скорую посадку.

Руки придется спрятать за спиной... Чуть. Хотя?.. Почему – чуть? Пройтись нашкочившей школьницей, руки – за спиной, взгляд – мечется, рот – приоткрыт, потом прикусить нижнюю губу. Ну и чуть – ссутулиться все равно естественно не удастся – выучка не позволит.

– У нас есть очень интересное предложение для создания образа, – слишком суетливо начал агент уже в аэропорту. – Понимаете, ваш облик...

У них, оказывается, проблемы с ее образом и обликом!

– Почему вы не пригласили Кармаль? – перебила его Медея, а про себя подумала: «Вот уж кто всегда готов к любому образу! Взахлеб. Любимый ответ на самые невероятные предложения – ладонь поперек лба в пионерской клятве».

– Кармаль? Но она же... – агент застыл, потом определился: – У нее ведь природный цвет волос – рыжий!

– Рыжий. Тело розовое. Такое, знаете... Редкий перламутровый оттенок – как внутренность рапана.

– Вот именно! – взвился агент. – Изумруды – на розовом?! – так искренне ужаснулся он, что Медее стало смешно.

– Ладно, согласна – это безвкусица, – бросила она небрежно, указывая пальцем на багаж. Агент не поверил, что у нее с собой только саквояж.

– Я же приехала на один день, – добавив в это напоминание вопросительную интонацию, Медея внимательно посмотрела агенту в лицо.

– Да-да, конечно, – он тут же отвел глаза. – Просто это как-то... не по-женски.

– У вас есть проблемы? – остановилась Медея.

– Проблемы? Нет, какие... – помявшись, агент кивнул. – Да. Есть проблемы. Директор галереи сомневается, что ваш образ...

– Возьмите замену. Обойдусь без отказных – пусть оплатит перелет сюда-обратно.

– Понимаете... Директор не против вашего образа, просто...

– Сколько ему лет? – вздохнула Медея, поняв, что придется ехать в студию и беседовать с директором.

– Это женщина, – понурился агент.

– Женщина? Отличная новость. Поехали. – Она решительно направилась к выходу.

– Странно, ваши подруги...

– У меня нет подруг. Где ваша машина?

– Ваши коллеги предпочитают выяснять всякие производственные неловкости с мужчинами. – Агент едва поспеивал за Медеей.

Что такое «производственная неловкость», Медея узнала уже через сорок минут. Директора галереи, которая организовала показ редкостного гарнитура, звали Карина. Англичанка с армянскими корнями, усиками над губой, миндалевидными – вдруг! – бледно-голубыми глазами под тяжелыми веками.

– Почему у вас перчатки – проблемы с кожей? – первым делом кивнула она на руки Медее.

Пришлось снять перчатки. Карина долго смотрела на ладони модели, потом издала звук – среднее между русским хмыканьем и английским ругательством.

– Каким тренингом можно добиться такой гибкости пальцев?

– Скрипка. С пяти до шестнадцати лет по шесть часов в сутки. Хотя... – Медея задумалась. – Это может быть и наследственным.

– А вы не знаете точно?

– Не знаю. Я была приемным... ребенком, – сглотнув комок в горле, Медея удивилась – приступы болтливости с нею случались крайне редко.

– Не отращиваете и не красите ногти?

Медее покачала головой.

– А ноги?.. Я знаю, что вы предпочитаете самым изящным туфлям прогулки босиком по настилу.

Медее скинула туфли и изобразила любимую американскую расслабуху – водрузила ступни на стол, нога на ногу.

Директор галереи отсмотрела ногти на ее ногах, походила по кабинету, кивнула.

– Это неплохо. Я никак не могла представить оформление пальцев под эти камни... Цвет лака для ногтей, понимаете? А лака не нужно.

Медее понимала.

– Мой агент сказал, что у вас есть какое-то предложение для меня. – Она провела пальцами по скуле, Карина тут же отреагировала на этот рассчитанный жест – переключилась на лицо модели.

– Да. Есть. Я думала, смотрела... – кивнув на свой стол, она предложила посмотреть и Медее.

Ничего интересного. Дюжина фотографий Медеи с разных показов. Есть несколько редких – лицо крупным планом. Медее не понимала, почему армянка мнется. Она вдруг подумала, что та хочет предложить ей нечто совершенно экстравагантное. Например, пройтись голой в ожерелье и диадеме. Нет, не может быть. Медее – «рост 187, брюнетка, бюст – 92, талия – 63, размер ноги...» и так далее – не работает обнаженной. Сразу же после этих мыслей Медее вдруг представила себя *частично обнаженной*, а именно... без волос!

– Я хочу вам предложить кое-что изменить в своем образе. Например, для этого показа обрить голову.

От неожиданности Медее слишком резко опустила ноги со стола.

– За хорошую плату, – добавила Карина.

Пока Медее надевала туфли, «хорошая плата» увеличилась вдвое.

– Под ноль? – решила все же уточнить она.

Плата поднялась еще на двадцать процентов.

– Я видела фотографии гарнитура, но как-то не представляю это... на лысой голове, – созналась Медее.

– На бритой, – уточнила Карина, подложив ей лист бумаги.

Договор.

– Это подписывает мой агент, – покачала головой Медее.

В два голоса ей объяснили, что в Англии на предмет подобной наработки образа существуют свои законы, по которым обритая наголо модель может запросто подать после показа в суд как пострадавшая, если, конечно, предусмотрительно не заручиться ее письменным согласием. За время весьма эмоционального описания скандального поведения некоторых меркантильных моделей Карина успела подписать чек и положить его поверх бумаги.

– Покажите на болванке, – не прикоснувшись к ручке, попросила Медее.

Для подготовки болванки пришлось идти в хранилище. Карина несла муляж головы и по ходу объясняла что-то о полировке черепа, подрисовке скул и линзах. Оказывается, глаза под такой гарнитур должны быть «с зеленцой».

Так и сказала – «с зеленцой».

Когда в хранилище достали диадему, Медее не сразу отреагировала – была занята. Обдумывала особенности цвета с зеленцой. Но когда украшение надели на болванку, она застыла, ошарашенная, а потом внимательно всмотрелась в Карину.

Коренастая. Слишком большой зад для такой спины. Шея длинная. Руки замученные – сама что-то мастерит?

Тактично переждав осмотр, Карина открыто взглянула в глаза модели. Медее улыбнулась – слегка, не улыбка даже, намек. Улыбка-поклон за отличное чутье: диадема – золото, мелкие бриллианты и крупные зеленые изумруды – на голой болванке цвета слоновой кости смотрелась потрясающе. Карина улыбнулась в ответ – левым уголком рта: а ты как думала?..

Но когда дело дошло до бритья, и на пол в гримерной упала первая прядь, и еще этот звук – скрежет ножниц, с трудом справляющихся с густыми волосами...

– Не стесняйтесь, – подмигнула Медее растерянному стилисту. – Давно не видела свой череп.

Под скрежет ножниц, пробуксовывающих на слишком толстых прядях, к Медее пришел страх. Сначала – подкрался беспокойством, как будто с волосами она теряла силу. Потом вдруг стала думать, что диадему на гладком черепе трудно закрепить, потом – что охранники на

этом показе будут охранять изумруды, а не следить за порядком в подсобках, как обычно. Интересно, какие даны инструкции в случае нападения на модель, чтобы сорвать украшения? Кого или что будут спасать?..

Сорок минут до выхода. Весь персонал галереи пришел посмотреть на «отполированный» череп Медеи. Нервный стилист в который раз повторил, что этот череп уникален и что египетские женщины не зря использовали головные уборы, удлиняющие голову – появляется ощущение принадлежности к небу. Обритая голова теперь была такого же бледного цвета, как лицо и плечи. От висков к макушке стилист наложил почти незаметные полоски теней золотистого оттенка, и Медея с удивлением увидела в зеркале, как от этого у нее вызывающе выступили скулы.

В присутствии двух охранников на нее надели диадему и ожерелье. Женщины ахнули – «инопланетянка!..». Охранники приоткрыли рты.

– Снимите брови, – приказала Карина.

Стилист раскрыл опасную бритву.

Теперь Медея стала точь-в-точь – болванка. Интересно, как армянка предложит ей оформить тело и руки? Медея потрясла головой. Тяжелая, однако, игрушка.

– Свалится, – сказала она.

– А мне говорили, что вы можете при самом размашистом шаге пронести на голове переполненный стакан с водой и не уронить ни капли.

– Если меня дернуть или толкнуть, диадема свалится.

– Кто это вас собирается толкать? – выступил охранник.

Стилист достал тюбик с клеем.

Медея остановила его руку и прочла надпись на тюбике. Покачала головой.

– Но!.. – растерялся стилист.

– Ищите что-нибудь натуральное. Я не могу остаться с обритой головой, покрытой язвами после такого клея.

– Никакого клея на диадеме! – охранник тоже проявил бдительность.

Карина взяла тюбик. Повертев его в руках и не обнаружив ни одного слова на английском – сплошные иероглифы, – она заметила:

– У вас было весьма разностороннее детство.

– Вы уже придумали платье? – Медея решила прекратить всякие обсуждения ее прошлого.

– Шелк. Серый цвет, металлический оттенок. Минимум деталей – сорочка на бретельках. До колен. И максимально открытые сандалии.

– А это что такое? – Охранник взял с подготовленного на столе платья наручники и потряс ими.

Все посмотрели на Карину.

– Я хочу попробовать этот образ в наручниках, – сказала Карина просто, как «теперь я хочу попробовать мороженое».

Все уставились на руки Медеи.

– Мы так не договаривались, – сказала она.

– А давайте все примерим, посмотрим, что получится, и договоримся, – предложила Карина.

Когда запястий коснулся металл, Медея подумала, что сегодня самый странный день в ее жизни. Ее обрили налысо – лишили даже бровей, на руки надели наручники и нацепили драгоценностей в полмиллиона долларов. Она попробовала себя успокоить – три минуты в наручниках и с изумрудами, всего три минуты. Охранники, толпа народу, фотографы. Что может случиться? На самом деле образ, который предложила Карина, был настолько странным и потусторонним, что не поддавался шаблонной классификации – в серой рубашке белокожая

Медея с лысым черепом больше всего напоминала привидение в зеленом свечении болотного огня. Но наручники?.. Для привидения она не подходит. Интересно, как это зрелище обзовут потом журналисты – шикарное? Оригинальное? Стильное? Нелепое?

Медее нравилось рисковать: когда зал ахал и замирал, не зная, как реагировать на новую версию свадебного платья. И только от ее поведения на подиуме зависело количество аплодисментов. Именно в моменты самых смелых экспериментов модельеров она чувствовала себя всемогущей, без труда, в любом прикиде завораживала зал – телом, походкой, руками – и с радостью работала с новаторами.

– Что осталось? – спросила Медея, отходя от зеркала.

– Линзы, – протянула коробочку Карина. – Не спешите. Сейчас пойдут бриллианты, потом – жемчуг, ну а затем – ваш выход.

Первый шаг на подиум – с левой ноги. Походка летит к черту, когда несешь перед собой, где-то в низу живота, руки в наручниках. Медея тренировалась ходить за кулисами, ужасно при этом нервирова охранников. Время! Первый шаг – с левой...

Обычно она была почти слепая на подиуме – куда бы ни смотрела, получалось, что только в себя. Но в этот раз Медея сразу обратила внимание на мужчину в белом костюме и красном галстуке. Он встал со своего места в первом ряду, как только Медея дошла до половины дорожки. И пошел параллельно с нею, задрал голову. Красный галстук. Седые волосы. К этому моменту зал как раз издал удивленный вздох, затем наступила полнейшая тишина. Один охранник тоже заметил мужчину в красном галстуке, но он был с другой стороны подиума – там, где разместили фотографов. Побежал, подпрыгивая, чтобы проследить за нервным зрителем. Кто-то из охраны галереи пошел рядом со стариком, уговаривая его вернуться на место. Медея остановилась – настало время отлепиться глазам зрителей от ее запястий в наручниках и замереть на изумрудах. Два удара ее сердца приходилось на одну секунду – за шесть секунд Медея хорошенько рассмотрела весьма утомленное годами лицо над красным галстуком. Выдернув руку, за которую его решил придержать охранник галереи, старик жадно разглядывал ожерелье и потел. В какой-то момент он случайно мазнул глазами по лицу модели, и Медея поняла, что сейчас она упадет.

Она ничего не могла предотвратить, разве что... Потом ей показалось, что руки в наручниках сами собой поднялись к голове, а ноги двинулись дальше по подиуму. Старик при первом же ее шаге, подпрыгнув, ухватил Медею за щиколотку и дернул вниз.

Падая, Медея увидела лицо охранника и подумала – кобуру заело. Когда тот наконец подбежал с выдернутым пистолетом, старик с Медеей уже упали на сидевших зрителей, причем он схватил модель за шею – не доставал до поднятых над головой рук с диадемой.

Подбежавший охранник выдернул из рук Медеи диадему и бросился прочь. Навстречу ему выскочил из-за кулисы напарник. Первый крикнул: «The neck!», и второй, не останавливаясь, бросился к свалке у подиума. «Neck» – «шея» в данном случае означало – ожерелье.

– Ну что ж... – процедила Медея, – Нэк так нэк...

Она ударила старика коленкой в живот, развернула его крепкое тяжелое тело спиной и бросила руки в наручниках ему на горло. Мужчина, упавший неудачней всех – он оказался под Медеей, – выбрался и стал тащить старика на себя. Тот отбился резким и почти незаметным ударом ребром ладони в горло. Мужчина захрипел и затих. Этот удар и нож сзади, на поясе старика заставили Медею сконцентрироваться. Нож она чувствовала бедром, как живое существо, он сейчас упирался ей в ногу – злобный затаившийся хищник из стали в кожаных ножнах. В этот момент случилось нечто странное, такое же необъяснимое, как предчувствие падения. Медея как бы пропустила сквозь себя – толчками крови – желание старика вонзить нож ей в горло, и покрылась мурашками. Тогда она перестала перетягивать его шею цепочкой наручников, обхватила ладонями седую голову и успела преодолеть сопротивление напрягшейся шеи

и спины – он понял ее намерение! – резким разворотом влево до того, как подбежал второй охранник.

С момента ее падения прошло не больше двенадцати ударов сердца.

Подбежавшие секьюрити растаскивали упавших, стараясь пробраться к Медее. Второй охранник пошел просто по головам. Медея лежала, слушая, как конвульсиями затихает на ней чужая жизнь. Вид охранника, решительно прорывающегося руками к ожерелью – сверху, через чужое тело, – разозлил Медею. Еще не убрав ладони с головы старика, она ударила его головой охранника в переносицу. Дождалась, когда уберут его обмякшее тело. Потом – труп старика. Сразу несколько рук помогли ей подняться. Она встала на ноги, и люди отпрянули в стороны.

– Спокойно, – Медея попробовала ободряюще улыбнуться. – Это пистолет охранника. Я взяла у него из кобуры, не волнуйтесь. У меня сильное подозрение... Да, скорее всего, ключ от наручников остался у того, который убежал спасать диадему. Так что закройте уши и не беспокойтесь.

Чтобы выстрелить в левый браслет, пришлось сильно изогнуть правую кисть. Получилось с одного выстрела – цепочка отлетела.

«Вот дура... Они ничего не поняли – я же говорю по-русски!.. Бедный, бедный Штирлиц...» – подумала Медея и еще раз изобразила улыбку двум десяткам фотоаппаратов и камер: желающие разглядеть ограбление во всех деталях взобрались на подиум и нависали сверху, отсчитывая секунды сенсации.

В этот момент раздался громкий женский визг – видимо, кто-то пытался помочь подняться старику и понял, почему ничего не получается. И сразу же послышались грохот и крики. В зал ворвались полицейские в касках и с оружием. Всем было приказало лечь.

Пока зрители копались, укладываясь между рядами кресел, Медея проползла к другому выходу на четвереньках.

Она очутилась у запасного выхода. Судя по сирене, лифты в здании уже были заблокированы. Запасной выход, естественно, тоже... А если в другую сторону?

Левая рука болела у запястья. Ожог от близкого выстрела.

Через час все шестизэтажное здание было обыскано. Первый этаж – закрытые склады с неповрежденными замками и своей системой охраны. Второй и третий – галерея. Четвертый этаж – выставочный зал художественного салона, его обожали быстрее всего: никакой мебели, только картины и скульптуры. Пятый и шестой этажи – апартаменты хозяйки галереи – замки не тронуты, своя система охраны. Зрителей отпустили, записав их данные. Охраннику с перебитым носом оказали помощь. Мертвого старика вывезли. Большая часть полицейских тоже уехала, остался инспектор и шестеро его помощников из отделения, получившего вызов по вооруженному нападению на показе драгоценностей.

Вооруженного нападения как такового не было. Единственным оружием, которое выстрелило, был пистолет охранника с перебитым носом. Пистолет валялся у подиума, где его бросила модель. Показания охраны о нападении неизвестного – теперь уже мертвого – мужчины на модель в изумрудах были весьма невнятные. Получалось, что первый, кто выхватил изумруды у упавшей модели, был охранник, который и привез гарнитур на показ. Объяснения второго охранника о полученной травме заставили инспектора проникнуться чувством жалости к несчастной модели, у которой эти типы сначала отняли диадему, а потом, вместо того чтобы оказать ей помощь, пытались сдернуть с шеи ожерелье.

Просмотрели пленку из камеры слежения. Получалось, что свалившаяся с подиума модель, вероятно, от страха (на этой версии настаивал стилист, объясняя в пятый раз, что такое иногда случается с самыми хладнокровными женщинами, если их обрить и надеть на них наручники), собственноручно свернула шею напавшему старику, когда увидела прорывающегося к ожерелью охранника.

Хозяйка галереи, сама не своя, не отходила ни на шаг от молодого инспектора, уверяя того, что Медея от страха забилась где-то в угол в укромном месте. Охранник уверял инспектора, что модель с изумрудами на шее уже очень-очень далеко, а старик был ее напарником в ограблении. Агент Медеи клялся, что более порядочной и исполнительской модели в своей практике не встречал – работает с нею три года.

Ждали представителя владельца изумрудов, но он все не ехал.

Инспектор еще раз просмотрел, как модель уползает из зала на четвереньках. Еще раз послал своего подчиненного пройти запасную лестницу и убедиться, что двери на первый, пятый и шестой этажи заперты. Подчиненный шел с неохотой – он уже дважды облазил эту лестницу с подвала до крыши.

– Крыша! – услышал агент и стал торопливо объяснять: – Конечно – крыша! Стоунхендж! Она заказала вертолет на сегодня!

Первым по лестнице шел инспектор. Если честно, он ни на что уже не надеялся. За ним – двое его людей. Потом пострадавший охранник. Этот с каждой ступенькой просто зверел, подробно объясняя, как хитро была задумана и совершена кража ожерелья, ищи теперь эту модель в небе! Когда он перешел к обсуждению криминальных генов всех русских, Карина, поднимавшаяся за ним, сказала, что Медея немка. Агент, который плелся за Кариной и уже начал сожалеть о своей болтливости, заявил, что Медея японка. Потому что до шестнадцати лет ее воспитывала японская семья. За агентом, нервничая, что не успел протиснуться на лестницу сразу за инспектором, поднимался стилист. Он поправил агента – не японка, а корейка. Клей, который она отвергла, был корейский, и надпись, соответственно...

Люк на крышу был поднят. Все желающие насладиться видом пустой крыши и выражением лица инспектора после этого уставились на спускающийся вертолет. И только инспектор и хозяйка галереи смотрели на сидящую у приоткрытого мансардного окна женщину в холщовых коротких брюках, свободной футболке и с платком на голове, завязанным сзади как бандана.

Преодолевая сильные потоки воздуха от винта, инспектор побежал к этой женщине, уговаривая себя не нервничать: другая одежда, наверное, это какая-то зрительница с перепугу забралась на крышу. Но когда подбежал и женщина встала ему навстречу, он зацепился глазами за наручники с обвисшей цепью – женщина протянула руки, как будто хотела, чтобы их сняли. Инспектор, шаря взглядом ее по голой шее, рефлекторно вытянул свои, и от неожиданной тяжести в ладонях, и от осознания, *что* именно ему свалилось в руки, присел.

Ожерелье. Женщина была спокойна. Левое запястье забинтовано.

Инспектор посмотрел на приоткрытое вверх окно. Потом на хозяйку апартаментов, из которых окно выходило на крышу.

Карина как раз растерянно шарила глазами по своей одежде на Медее и показывала на окно.

– Ванная... Там моя ванная комната.

– Конечно! – пробурчал инспектор. – Замки, сигнализация, да? А сами окно на крышу оставляете открытым! Вы куда-то собрались лететь? – обратился он к Медее.

А про себя подумал: «Если скажет сейчас, что в Стоунхендж, придется эти наручники снять, а другие – целые – надеть. Глупо как-то получится».

– К Джеймсу Бонду, в отдел вашей внешней разведки, – бесстрастно заявила женщина.

– Куда? – опешил инспектор.

Ему ужасно мешало ожерелье в руках. Наконец он вывалил эту тяжесть в подставленный напарником пакет.

– В МИ-6. А куда еще? В русское посольство меня не пустят – мои документы остались в гримерной. Ладно, не смотрите так, я не сумасшедшая. Можно, на худой конец, и в Скот-

ланд-Ярд. У вас там есть крыша с вертолетной площадкой? Неохота спускаться вниз, а за вертолет с моей карточки уже сняли деньги.

В отделении полиции инспектор первым делом сделал запрос по документам Медеи Агали, русской, постоянно проживающей в Париже. Заодно бегло просмотрел ее досье как фотомодели – несколько ярких журналов, предоставленных агентом, и международный дайджест. Ничего для себя интересного из всего этого он не узнал, кроме того, что из пяти иностранных языков, которыми владеет эта дама, один – ток-писин. Что это такое, инспектор выяснил с трудом, запустив поиск по Интернету. Оказывается, на таком языке говорят в Новой Гвинее. Инспектор совершенно не помнил, где она находится, поэтому опять засел за компьютер.

Океания.

И тогда, по наитию, он запустил поиск на слово «агали». После почти получасового копания в Сети, он выяснил, что означает это слово. Оно действительно имело прямое отношение к Новой Гвинее, вернее, к ее мужскому населению.

К этому времени были зафиксированы показания обоих охранников, а изъятые при проведении операции драгоценности подробнейшим образом описаны и сфотографированы, после чего их отправили в хранилище, так как хозяин гарнитура все еще не давал о себе знать.

Задержанная с их первой встречи вела себя с завидным хладнокровием, на вопросы отвечала обстоятельно, а потом тактично попросила сделать один звонок и пригласить кого-нибудь из Российского консульства.

Только было инспектор принялся за отчет о выезде бригады по сигналу «вооруженное нападение», как ему сообщили, что прибыли двое представителей службы безопасности из отдела внешней разведки.

Он тихонько взвыл, распрощавшись с обедом. Попробовал выяснить, кому из его подчиненных пришлось в голову выполнить просьбу модели? Оказалось, никто и не думал звонить. Оказалось, что прием, которым женщина свернула шею напавшему на нее старику, да еще будучи в наручниках, «что существенно уменьшало возможность охвата головы для рывка», – этот прием далеко не каждый специалист выполнит, как объяснил один из прибывших.

– Вы приехали только из-за этого? – удивился инспектор и собрался рассказать много чего поучительного этим зазнайкам в одинаковых костюмчиках. Вроде истории об уникальных метательных способностях чернокожей домохозяйки, убившей своего мужа-садиста запущенной в него туфлей со шпилькой. Не каждый снайпер может метнуть женскую туфлю так, чтобы попасть точно в глаз с расстояния в шесть метров!

Рассказывать не пришлось. Представители внешней разведки объяснили, что прибыли сюда, как только выяснилась личность убитого старика. А уже потом они узнали, как именно умер этот бывший офицер ВВС США, занявшийся после отставки продажей недвижимости.

– Так что, коллега... – скучно объявил инспектору один из синих в полоску костюмов, – соберите все документы по этому делу, будем оформлять их передачу нашему ведомству. Надеюсь, вы достаточно хорошо изолировали задержанную? И обыск ее был проведен тщательно?

Инспектор промямлил, что обыск не проводился. Не было причин – она сдалась добровольно, в напряженной обстановке сохранила ценности, хотя могла сбежать, и, кроме всего, сама просила позвонить в МИ-6.

Прибывшие напряглись и потребовали доложить, куда еще она просила позвонить. А тут и представитель русского консульства появился. И вместе с ним – адвокат, которого Медея вызвала по телефону.

Оставив всю эту теплую компанию ругаться в своем кабинете, инспектор успел сбежать к автомату с кофе, утащить с тарелки дежурного его бутерброд и яблоко, съесть все это, а в кабинете мужчины только перешли к яростной перепалке.

– Стильная штучка, – кивнул сержант в сторону занятого кабинета. – Она кто по национальности, эта Агали?

Инспектор поморщился – слово «стильная» никак не сочеталось у него с бритой головой – и, поспешно доедая яблоко, объяснил в двух словах, что означает это странное слово.

Дежурный не поверил.

– То есть, если мне попалась в постели стерва и я не смог... это самое, а потом стал бояться всех женщин, потому что они все стервы, и вот я иду к психоаналитику...

– М-м-м... – только промычал с набитым ртом инспектор.

– И он мне говорит, что я теперь – агали?

– Это только на Новой Гвинее так называется, – успокоил его, как мог, инспектор, вытирая рот.

Тут инспектору доложили, что его уже давно дожидается свидетельница, опознавшая мертвого старика. Пока он соображал, не отправить ли ее в мужскую компанию в кабинет, кто-то, весьма уверенный и нетерпеливый, постучал его сзади по плечу. Он резко повернулся.

– Где изумруды? – первым делом спросила женщина лет тридцати в изящном костюме, нервно тиская дорожную сумочку.

Инспектор, естественно, решил, что она хозяйка гарнитура, и вызвал дежурного сержанта, который в этот момент зачем-то разглядывал огрызок в урне – все, что осталось от его яблока.

– Мой отец был хозяином комплекта, – заметила женщина. – Это я его опознала. Его документы у меня забрали, а мои данные у вас записаны. Они в целости и сохранности?

– Что? – Инспектор ничего не понял.

– Изумруды. Я хочу взглянуть на них вблизи.

– Это гарнитур вашего отца? Который... которого вы опознали? Это ваш отец набросился на показе... – Инспектор лихорадочно шарил в ближайшем чужом столе в поисках магнитофона и делал знаки своим подчиненным.

– Да, да, да, – три раза кивнула женщина. – Позавчера он прочел в журнале о редком гарнитуре с изумрудами, который будет показан вместе с другими дорогими украшениями в Лондонской галерее. Там была фотография гарнитура. Мы сразу поехали в аэропорт и едва успели на самолет. Я уговаривала отца не лететь, хотела все выяснить сама и потом... А он не мог успокоиться, он, понимаете... После одиннадцатого сентября он совсем перестал себя контролировать, чуть что – набрасывается на обидчика, а ведь отец был военным разведчиком, вы понимаете? Я не пошла с ним в галерею. Я больше не могу предотвращать его приступы, ходить по судам... А потом увидела репортаж по телевизору, и вот...

– У вас украли эти изумруды при катастрофе 11 сентября! – догадался инспектор.

– Я не знаю, – пожала плечами женщина. – От офиса ничего не осталось, он был на втором этаже. Сказали, что сейф тоже оплавился до комка... – Женщина попробовала показать руками размер куска оплавленного металла, потом очнулась и опять вцепилась в сумочку. – Так я могу на них посмотреть?

Инспектору доложили, что прибыл фургон для доставки драгоценностей в банковское хранилище.

– Где вы остановились?

– Нигде. Я ждала отца в кафе недалеко от галереи и там увидела по телевизору репортаж.

– Почему у вашего отца не было с собой документов?

– Не могу понять. Хотя... Знаете, однажды он шел наказать очередного обидчика и все документы оставил дома. Взял только армейский нож. Сказал, что нож и кредитки несовместимы.

– Задержитесь на полчаса, я попробую все узнать.

Модель заявила, что если ее будут обыскивать, то только в присутствии кого-то из консульства, а еще лучше сразу позвонить в Службу внешней разведки России. Представитель консульства впал от такого заявления в истеричное состояние и долго связывался по телефону с ФСБ – пусть служивые сами решат этот вопрос. Отдел внешней разведки ФСБ захотел поговорить с английскими коллегами, после чего по факсу в Москву было послано профессиональное досье Медеи Агали, гражданки России, постоянно проживающей в Париже, фотомодели, рост – 187, брюнетка, бюст... и так далее, а также ее сегодняшнее фото с обритой головой.

Москва думала больше часа. По этому поводу адвокат процидил сквозь зубы, что таким снимком кого хочешь можно вогнать в длительный умственный ступор, а уж русских!..

За это время случилось много всяких потрясений. Были полностью оформлены бумаги на передачу изумрудов. Гарнитур в бумажной коробке отнесли в фургон.

Бронированный банковский фургон с водителем и двумя охранниками взорвался, не отъехав и пятидесяти метров от участка. Почти все присутствующие в отделении полиции упали на пол под звон вылетевших стекол и завывание сигнализации пострадавших соседних автомобилей.

Что еще?.. Приехали пожарные тушить фургон, а на инспектора напала дочь старика и била его по голове сумочкой из крокодиловой кожи за то, что он так и не дал ей посмотреть на Элизу. Ее кое-как оттащили, усадили и выяснили, что Элиза – это название гарнитура. Оказывается, у него было имя и длинная кровавая история всех владельцев изумрудов, уходящая корнями в семнадцатый век. И эту историю дочь старика в подробностях рассказывала двум очумелым полицейским минут тридцать, а те покорно слушали, нервно трясясь – это именно они относили коробку в фургон.

И вот когда предел терпения у всех присутствующих в кабинете инспектора был превышен настолько, что даже вид большого факела на улице (уже сильно стемнело) и процесс тушения огня пожарными не помогал отвлечься, им доложили, что у задержанной есть важное предложение.

Привели Медею.

Фотомодель сказала, что может ускорить процесс выяснения всех вопросов, если ей дадут тридцать секунд на переговоры с Москвой. Только пусть человек из консульства еще раз наберет тот самый номер, а то она не знает, куда звонить.

Прозвучало это все по-женски бестолково и провокационно, поэтому мужчины принялись горячо спорить. Решение было принято единогласно, когда Медея сказала, что никому не придется выходить из кабинета и даже затыкать уши – никаких секретных кодов. Ей дали трубку телефона. К полному разочарованию всех, она сказала только одно слово:

– Моцарт.

Через пять минут представители английской службы разведки под усиленной охраной вывезли ее из полицейского участка. Инспектор, которого шатало от голода, усталости и всех ужасов этого нелегкого дня, вышел на улицу и, хрустя битым стеклом, топтался там несколько минут. Сначала он смотрел, как модель сажают в машину, и думал, почему этой представительнице так называемого слабого пола пришлось в голову взять себе псевдоним Агали, означающий «комплекс страха после неудачного сексуального контакта у мужчин Новой Гвинеи». Потом ему стало важно досмотреть, как машина скроется за поворотом, потом он просто давил стекло каблуками, закрыв глаза, без единой мысли в голове – и это было здорово.

Медею привезли в отель с решетками на окнах и камерами слежения в каждой комнате, включая ванную. Двери в таком отеле открывались пластиковыми карточками, а заказать еду или еще что-то по необходимости можно было в динамик у двери – никакого намека на телефон.

Осмотрев двухместный номер, содержимое холодильника и набор полотенец в ванной, Медея открыла шкаф и удивленно присвистнула.

На плечиках висела ее одежда, причем вот эту блузку и летний жакет явно заботливо достали из саквояжа. На полке лежали туалетные принадлежности и косметичка – все из того же саквояжа. Рядом документы, кредитки, ключи от парижской квартиры. Все – из небольшой сумочки, которой здесь не было.

Медея легла на кровать и стала думать. Кроме как о кокаине в небольшом тайнике в сумочке, беспокоиться было не о чем. Она улыбнулась, представив, как серьезные мужчины, специалисты английской разведки, потрошат упаковку презервативов, раздирают два тюбика с кремом – этого нет в шкафу – и ищут банковскую ячейку, ключ от которой они тоже унесли в сумочке.

Она уже знала уровень сервиса в подобных отелях, поэтому, собравшись принять ванну, разделась до трусов, открыла воду и выключила свет. Выкатила кресло в коридор и расслабилась.

– Раз, два, три...

На счет «пятнадцать» свет в ванной комнате зажегся сам собой. Отлично, значит, там нет камеры с прибором ночного видения, как в спальне. Экономят. Медея представила человека, наблюдающего за ее действиями где-то здесь, в отеле, и как ему скучно сидеть помногу часов перед экраном. Ладно, развлекайся! Она осмотрела электропроводку, достала из косметички пилочку для ногтей и за полторы минуты вскрыла выключатель и сломала микросхему под крышечкой. Свет в ванной погас. Медея нажала на клемму выключателя костяной ручкой пилочки – свет загорелся. Еще раз нажала – погас. Пятнадцать секунд прошло – сам не зажегся. Вот так-то. Она вставила под ручку входной двери спинку прочнейшего стула, прихватила с собой из бара бокал со свечкой и, пустив желтый язычок плавать у своей груди, спокойно отлежалась в ванне, потихоньку восхищаясь высокой квалификацией английских электриков. Лет пять?.. шесть назад такие действия в подобном шведском отеле для так называемых государственных нужд привели к глобальному замыканию во всем здании – электроника повредилась.

Все, что последовало за ее играми с пилочкой для ногтей, было абсолютно предсказуемо. Когда стул у двери пал, Медея надела халат и вышла из ванной с бокалом и горящей свечкой в нем.

Вошли трое слегка раздосадованных мужчин. Двое – в костюмах, один – в рабочем комбинезоне. Бокал у нее тут же отняли, свечу загасили, отвели Медею в спальню и потребовали ответить на вопросы, пока тот, что в комбинезоне, заменял электросхему в выключателе ванной. Медея отвечала спокойно, говорила медленно, тихим голосом, и мужчины понемногу расслабились, потеплели глазами и узнали, что...

– она слишком дорожит своим телом, в которое вложены бешеные деньги, чтобы просто так, *бесплатно*, без разрешения на съемку, кто-то мог воспользоваться своим служебным положением. Кроме того, она любит расслабляться в ванне в темноте, давая отдых глазам и мыслям и допуская при этом разве что живое маленькое пламя. Но!.. она прекрасно понимает раздражение присутствующих здесь профессионалов в области слежки и поведенческого анализа, поэтому просит прощения за свои действия. А чтобы предотвратить попытки обвинить ее в сокрытии чего-либо на теле и учитывая договоренность их разведки с русской о невозможности личного досмотра, готова показать присутствующим специалистам свою наготу, но! – не более трех секунд.

Загипнотизировав своей речью мужчин до состояния умственного ступора, при котором невозможна быстрая реакция, Медея под глазком камеры распахнула халат, а потом и вовсе сбросила его, сделав один поворот вокруг собственной оси. После чего взяла с кровати короткую алую тунику, надела ее и подвела итог:

– Надеюсь, трех секунд моей наготы достаточно, чтобы заметить – никаких татуировок с микросхемами, вшитых ампул с бактериологическим оружием и миниатюрных атомных бомб в пупке, замаскированных под пирсинг на мне нет.

Мужчины только синхронно кивнули – никаких.

Этот ритуал повторился. Дни проходили в монотонной бессмыслице созерцания тридцати трех телевизионных каналов, еда была невкусной, красное вино так и не принесли. Поэтому еще два раза Медея выводила из строя выключатель, чтобы расслабиться в ванне. После просовывания под дверь длинных металлических предметов стул заваливался, входили представители службы наблюдения и электрик, с чисто английской выдержкой спрашивали – зачем она опять повредила электронику? Медея почти слово в слово повторяла свое проникновенное выступление, которое заканчивалось трехсекундным стриптизом для демонстрации, что после ее пребывания в темноте ничего нового на ее теле не появилось. После третьего раза у нее отобрали пилочку для ногтей и вынесли из номера все четыре стула. Это было не очень обидно, потому что на четвертый день наконец появился представитель ФСБ.

Полковник

– Полковник Кнур, – представился он с порога.

Размотал узел галстука, расстегнул верхние пуговицы на рубашке, снял пиджак и попробовал вместить свой объемный зад в кресло.

Удобно не получилось. Зад входил в кресло туго, как пробка в бутылку, и с большим трудом потом вынимался.

– А стульев нет? – огляделся полковник.

Медея расхохоталась. Полковник обиженно засопел.

– Докажите, что вы – Моцарт.

– Только по ДНК, – пожалала она плечами.

– А отпечатки?

– Не смешите, – отмахнулась Медея. – Я полностью изменила свой облик, неужели вы думаете, что изменить кое-что на пальцах...

– Я вам не верю, – перебил Кнур.

– А я к вам не работать напрашиваюсь. – Она улыбнулась – нежно, засасывающе, от души: так приятно было говорить по-русски.

– Что же вам нужно? – удивился ее искренней улыбке Кнур.

– Выбраться отсюда. – Медея на американский манер выставила большой палец, потом – указательный. – Не дать англичанам рассмотреть меня как следует и отчитаться о последнем задании. – Она показала три пальца. Подумала и пошевелила средним. – Если, конечно... это мое задание вас еще интересует спустя столько лет.

Полковник Кнур попробовал пошевелиться в кресле, достал платок, чтобы вытереть пот со лба, и покосился на глазок видеокамеры под потолком. Потом пожал плечами и заметил:

– Вы засветились.

– Ерунда. Засветиться может действующий агент. А Моцарта давно не существует. Заметьте – он не законсервирован, просто реально не существует! И потом, тридцать процентов фотомodelей провозят на себе из одной страны в другую наркотики или бриллианты. Еще пятьдесят – подкладываются под нужных людей на благо разведки своей страны. Пять-шесть процентов работают вообще как киллеры, устраивая «несчастные случаи» для своих заказанных поклонников, и ничего!

– Четырнадцать, – сказал Кнур. – Осталось еще четырнадцать процентов.

Медея отвела глаза.

– Так, по мелочам, – заметила она. – Женские секреты.

– А вы?

– А я – произведение искусства.

– Ах, ну да, – спохватился Кнур совершенно серьезно. – Я видел съемку, где вы на каком-то биеннале плавали в аквариуме в костюме рыбы.

– Это не костюм. Это была перламутровая чешуя. Три тысячи двести шестьдесят наклеенных чешуек от низа живота до пяток.

Кнур посмотрел Медею на низ живота. Она сидела напротив, закинув ногу на ногу. Его взгляд скользнул как раз между колен, чуть прикрытых алым шелком туники.

– Ладно. Вы не беспокоитесь о своей деловой репутации фотомodelи...

– Не путайте, – перебила его Медея. – Я не беспокоюсь о своей судьбе секретного агента. А вот репутация фотомodelи в данном инциденте не пострадала. Что я сделала? Помешала сорвать с меня драгоценности. Не допустила физического насилия.

Она помолчала.

– Все так серьезно? – спросила Медея.

– Как сказать, – вздохнул Кнур. – Для пушей секретности там, у нас, я приехал сюда неофициально, как частное лицо. Отстранимся от нюансов по делу пропавшего несколько лет назад агента Моцарта. Слишком много накладок в данном инциденте, как вы выражаетесь. Напавший на вас мужчина – бывший офицер американских военно-воздушных сил. В отставке он занялся бизнесом, особо не процветал, но офис имел в самом престижном месте – в деловом центре Нью-Йорка.

– То есть... – задумалась Медея.

– То и есть, – кивнул Кнур. – Аккурат в одной из башен-близнецов. А когда они рухнули, его сейф оплавился. Ему, понимаешь, даже предъявили кусок металла. И он этот кусок опознал. И не было в сейфе ничего особо интересного – так, парочка золотых слитков на старость, дюжина бриллиантов – в общем, все это можно потерять без боли, кроме...

– Гарнитура с изумрудами? – осенило Медею.

– Точно. Из-за этого гарнитура он и сейф завел. Представьте, пережил этот бывший офицер кое-как свою драгоценную потерю, почти вылечился от тика и заикания после инсульта, посмотрел на досуге один журнальчик и...

Медея встала, прошлась по спальне. Кнур напряженно ловил каждое движение ее тела.

– Не понимаю, – создалась она, встав у окна. – Гарнитур могли украсть за день, за несколько часов до катастрофы. Нет? Не могли? Тогда – что? Я не понимаю, чего от меня, от манекена, хотят? Нужно найти нового хозяина этих изумрудов, всего и делов-то!

– Вот и я не понимаю – на кой черт тебе нужно было ему шею ломать, да еще так профессионально, – перешел Кнур на «ты».

– Да не получилось бы с ним просто по-бабьи морду расцарапать! И когда я это поняла, сразу сработал рефлекс, будь он проклят!

– Я видел съемку. Это называется рефлекс? Да ты опережала его на секунду! Это трудно назвать самозащитой! – повысил голос Кнур.

– Так получилось! – повысила голос и Медея. – Предчувствие! Я вдруг поняла, что он дернет меня за ногу, и взяла диадему в руки! Еще у охранника кобуру заело, а у американца – был нож сзади за поясом!

– Ага! – выдернулся Кнур из кресла. – Мозги не заменишь пластической хирургией, да?

– Пошел ты!.. – не выдержала Медея. – Будет тут всякий гэрэушный бегемот мне нотации читать!

– Ты меня сама позвала, – развел руками Кнур. – Выбиралась бы в одиночку. Допросы, суд, приговор. Объясняла бы английскому правосудию необходимость такой самозащиты.

– А как же этот жест? – Медея выставила из кулака средний палец. – Я не защиты прошу. И не одолжения. Я предлагаю сделку.

– Да, конечно, – кивнул Кнур. – Последнее задание... Твоего куратора больше нет.

– Это я уже поняла. Иначе бы вас сюда не прислали.

– А я помогу, чем могу! – Тучный мужчина свирепо протащил перед Медеей свой живот туда-сюда, потом направился к туалету.

Не закрывая дверь, он подошел к унитазу и расстегнул ширинку.

Она приблизилась и встала сзади.

– Сведения о твоих странных приемах самозащиты обязательно просочатся, – сказал Кнур, не поворачиваясь.

– Это не самое страшное.

– Англия будет для тебя закрыта.

– Как-нибудь это переживу.

– Наша служба внешней разведки подписала договор о сотрудничестве с американскими коллегами. – Кнур повернулся, застегивая ширинку. – Пару месяцев тебе и в США не стоит соваться. Будет проверяться все по пропавшим из башен ценностям.

– Ценностям? И что, много ценностей пропало?

– Так, ерунда. Тонны три золота из хранилища. Драгоценностей в совокупности – килограммов шестьдесят. А уж бумажной валюты сгорело – не счесть. – Он задумчиво ходил возле кресла, не решаясь снова в него втискиваться.

Медея не стала смывать после Кнура. Соответственно, ждать, что он вымоет руки, тоже не стоило.

– Так что, если бы вы, уважаемая Медея... Забыл, как вас раньше звали по отчеству? – Развернувшись, полковник обнаружил модель позади себя и совсем рядом.

Медея сверху смотрела на Кнура настороженным взглядом приготовившейся к броску кобры. Кнур знал, что бывают такие кобры – в стойке перед броском поднимаются метра на два, раскачиваясь при этом своим гибким изумительным телом и гипнотизируя глазами.

– Я имею в виду те самые четырнадцать процентов, – Кнур отвел взгляд от ее груди, которая как раз находилась на уровне его глаз. – Те в вашем бизнесе, что не подкладываются, не работают контейнерами и не убивают, они ведь тоже имеют свой интерес и азарт в жизни. В опасной ситуации твое тело сработало как автомат. Почему бы не применить такие навыки на пользу, так сказать... А? Похоже, действует слаженная организация. Не оставляет следов и иногда прибывает на место трагедии или катастрофы чуть-чуть раньше, чем они происходят. Понимаете?

– При чем здесь я?

– Если бы вы захотели помочь... Я имею в виду – чисто профессионально. Эти изумруды не первая редкая вещица, всплывшая после обрушения башен-близнецов. И не надо на меня так смотреть!

Кнуру стало противно говорить с этой женщиной-коброй, и стыдно своего заискивающего голоса, и живота, и еще он вспомнил, что не смыл в туалете, и вообще был себе ужасно противен. Как всякий мужчина в подобной ситуации, он разъярился, моментально найдя причину своих комплексов в женщине рядом. Разъяренно прокричал:

– Короче, если ты, как сильно востребованный для этих бирюлек манекен, согласишься поработать на благо американских спецслужб, тебе и границы откроются, и в Россию можешь спокойно...

– Пошел ты...! Никакой России! Никогда!

Ну вот. Она его второй раз посылает.

– Ну и ладненько, – моментально успокоился Кнур. – Пора закругляться. Давай тогда свой средний палец за билет до Парижа. Кстати! Много у тебя подобных заготовок на предмет полезного обмена? Это я так, на будущее, спрашиваю.

– Мало, – успокоилась и Медея. Открыла бар, достала виски и минеральную воду. – Слишком мало, поэтому я всегда очень осторожна. Сейчас меня особенности наработки образа подвели.

Она налила ему в бокал чистый виски, а себе разбавила минеральной.

– Особенности – это?... – Кнур показал на ее обритую голову.

– И наручники, – кивнула Медея. – Наручники, изумруды...

– Приятно, да? – заметил Кнур, отпивая и усаживаясь на кровать.

– Предпочитаю красное вино, – не согласилась Медея.

– Я в смысле – послать кого-нибудь громко и по-русски, да еще два раза.

В аэропорту Кнур позвонил по телефону. По-английски он разговаривал неважно – больше трех лет уже не практиковался, но кое-как задал интересующий его вопрос и понял все, что ему ответили. По показаниям охранника, который находился у подиума, у него действительно заело кобуру. И он, как охраняющий ценности, действительно собирался сдернуть с шеи модели ожерелье и отнести его в безопасное место, а уже потом заняться ее освобождением.

А то, что охранники, нанятые для доставки гарнитура из банковского хранилища и последующего его сопровождения, ничего не знали о владельце гарнитура, Кнур выяснил раньше.

Вернувшись в Москву, он первым делом затребовал все документы по агентуре его предшественника из отдела внешней разведки. Медея, то бишь Моцарт, числилась пропавшей без вести. Работать как агент внешней разведки начала в 1995-м. Ладно... Год рождения – 1975-й, мать от ребенка отказалась. Воспитание в приемной семье. Обеспеченное детство, языки, музыка, балет. Здесь все чисто. А что у нас по ближайшим родственникам – по родной матери и отцу? Ничего интересного, кроме странного для тех времен имени женщины – Аделаида. Хотя фамилия – Парфенова – дернула ниточку памяти, и Кнур ближайшую неделю потратил на добывание секретных материалов из другого ведомства – аномальных явлений. И вышел на свою давнюю знакомую – ясновидящую Маргариту Тиглер. Больше всего его развеселило, что эта самая ясновидящая, много раз помогавшая отделу разведки и ему лично в поисках пропавших агентов (в основном их тел) и зарабатывающая на жизнь общением с мертвецами, скорей всего понятия не имела о существовании Аделаиды – кровной сестры по матери. Марго была дочерью обрусевшего немца – мясника Франца Тиглера и женщины, которая вторично вышла замуж за ее отца, а в первом браке носила фамилию Парфенова. За десять лет до рождения Марго та родила девочку Аделаиду от Льва Парфенова и сразу от чада отказалась. Выплыл на свет интересный документик – дополнение к разработке Маргариты Тиглер: «Сведения о наличии кровной сестры по матери». Знак вопроса. Скорей всего сведения эти Марго не сообщили, уж неизвестно из каких соображений, но Кнуру, работавшему в разведке с двадцати шести лет, мотивы начальства были понятны – возможность шантажа зарвавшегося агента всегда приветствовалась.

Работала агент Моцарт по Востоку, ушла красиво, без жертв другой стороне сведения не продавала, ни один из известных ей засекреченных агентов за рубежом не пострадал. В их среде так уйти можно, только погибнув при исполнении или при наличии серьезных секретных материалов. И теперь, когда Кнур знал, что Моцарт жива, он попробовал представить глубину собранного ею компромата на структуру, из которой она улизнала. Вспомнился средний палец.

Систематизировать полученные сведения было рано – маловато данных. Что сложилось: Медея *случайно* попала в заварушку с изумрудами, похищенными из Нью-Йорка при террористическом акте одиннадцатого сентября вместе с тремя тоннами золота, и так далее. Ее родная мать *случайно* оказалась близкой родственницей ясновидящей Марго Тиглер. Марго Тиглер могла *случайно* проговориться заинтересованным лицам о большом количестве потенциальных мертвецов, разгуливающих за девять дней до катастрофы по улицам Нью-Йорка и мешающих ей, к примеру, сосредоточиться на репертуаре театров. Марго в начале нового века частенько наведывалась с этой целью на Бродвей. Тиглер видела потенциальных жертв всегда в промежутке времени: девять дней до момента смерти, девять – после.

Американские коллеги, работавшие по хищениям ценностей с мест катастроф, со страшной секретностью разрабатывали версию влияния на природные катаклизмы с помощью радиоволн. Кнуру больше по душе был человеческий фактор, но о Марго, как о возможном информаторе о предполагаемом количестве жертв катастроф, он до этого дня не думал.

Он составил план-разработку по двум именам – Аделаиды Парфеновой и Марго Тиглер. Отправил план в отдел внутренних расследований – Марго до сих пор числилась в списках «добровольных платных помощников, востребуемых для выполнения деликатных поручений, подразделение АЯ – четвертая степень секретности, подписка о добровольном сотрудничестве, подписка о неразглашении».

Уже к вечеру ему принесли все по Аделаиде Парфеновой, сорок девятого года рождения. У Кнура глаза на лоб полезли – чего только не было в ее насыщенной жизни! Спортсменка, комсомолка, вот только не красавица: нос длинноват, судя по фотографиям шестидесятых – папин. Стрельба из лука, бег на длинные дистанции, высшее образование, статьи в журналах по

истории, книжки о выращивании цветов и разведении собак – все, что угодно, кроме воспитания ребенка. Что ж, тому есть некоторое объяснение на уровне наследственной патологии: ее саму мать отказалась воспитывать, оставив младенца отцу, господину Парфенову. Подростая Аделаида поступила так же со своим чадом, только расширила круг возможных воспитателей, отказавшись от ребенка в родильном доме.

Что касается Марго Тиглер, то здесь Кнура ждало разочарование: место жительства в России – неизвестно, гражданство – двойное, место постоянного проживания – Рим, Италия, возможность контакта – не установлена. За последние три года удалось составить некоторые приблизительные схемы передвижения Марго по миру на основании зарегистрированных на ее имя по паспорту авиабилетов: Рим – Нью-Йорк, цель приезда: «театральная неделя на Бродвее»; Москва – Дели, туристическая поездка; Мюнхен – Стамбул, в графе «Цель приезда» – шопинг! Кнур только досадливо крякнул.

Мачеха

Через шесть часов после разговора с полковником Кнуром Медея вышла из самолета в парижском аэропорту. Она бы справилась и раньше – представители российского консульства и английской разведки избавились от ее присутствия в Англии с нервной поспешностью предотвращения эпидемии. Но Медея решила поскандальить из-за выставленного ей счета по поводу выведения из строя электроники в гостинице. Ничего получилось, стало легче. И вот, устроившись наконец с чашечкой кофе разглядывать за огромным стеклом открытое покато пространство – ей всегда казалось, что взлетные полосы аэродрома уходят за округлившийся горизонт, – Медея услышала русскую речь. И не просто речь – настоящий, можно даже сказать эксклюзивный, мат. Не поворачиваясь, она слушала перепалку четверых мужчин, один из которых боялся летать. Если отбросить эксклюзив, то из оставшихся слов складывалась такая картина. Трус требовал плыть на лайнере до Колона,¹ а оттуда уже добраться в Каракас. Ситуация осложнялась тем, что у кого-то из четверки не было панамской визы. Огромный и самый малоразговорчивый мужик вклинился в ругань и доходчиво пробовал объяснить трусу, что «Питер уже пролетел», а на вопрос: – Почему?! – заметил, что они в Париже. А в Колон нужно было плыть из Питера. А из Парижа – лететь в Каракас. А в Колон – только из Питера, но плыть... А у Вольдемара нет панамской визы. А в Каракас – лететь, но только из Парижа. Тут Медея не выдержала и обернулась.

Трус был в стельку пьян и не понимал разницы между городами на букву П.

¹ Колон – порт в Панаме.

Отец

– Нас не пропустят в самолет, – заметил Вольдемар, поддерживая Шурупа под левую руку. Они находились в огромном полупустом зале парижского аэропорта.

– Когда это пьяных в стельку русских спасателей не пускали в самолет?! – возмутился Абакар, поддерживающий Шурупа под правую руку.

Таким образом они поставили товарища на обе ноги и следили, чтобы тот не подгибал колени.

На полу рядом с мужчинами стояли четыре огромные дорожные сумки.

– Мы сейчас не спасатели, мы летим к друзьям, – многозначительно пошевелил бровями самый могучий из четверки.

– Филимон, ты мне друг? – решил уточнить Шуруп.

– Я тебе – друг, соратник и брат, и я тебя уважаю, – предотвратил дальнейшие выяснения Филимон.

Вольдемар – высокий худощавый блондин с носатым лицом принципиального эстонца дернул плечом и потер сзади шею ладонью – он почувствовал чей-то пристальный взгляд, как легкий укус насекомого.

Обернувшись, что оказалось не очень удобно – пришлось всей троице слегка перегруппироваться, Вольдемар застыл под изучающим женским взглядом. Почувствовав неладное, Абакар и Филимон тоже посмотрели на женщину.

Она сидела у стойки бара на высоком стуле, а ноги при этом исхитрилась переплести вокруг одной из ножек столь невероятно, что отследить их причастность к длинному гибкому телу было сложнее, чем выбраться из лабиринта. Платиновый парик, открытое облегающее платье, не оставляющее сомнений, что из белья на ней присутствуют только трусики, и выступающие ягоды сосков сквозь вишневую ткань.

– Мадам!.. – выдохнул свой восторг Вольдемар и тут же решил исправить бестактность: – ...уазель! Мадемуазель, коман са ва?

– Где?.. – очнулся задремавший было на весу Шуруп.

– Отвали, – спокойно сказала Медея, отворачиваясь.

– Как это – отвали?.. – забормотал Вольдемар. – Русская? А какого хрена тогда глазки строила?

– Не разговаривай с ней, – предупредил Абакар. – Ты что, не видишь, где она и кто – мы?

– Нет, но она же строила!..

Вольдемар был самым молодым из четверки – ему недавно исполнилось тридцать пять.

Абакар испугался женщины у стойки до небольшого столбняка, поэтому некоторое время Вольдемар не мог тащить за собой Шурупа – Абакар цеплялся за него, как за якорь, чтобы не сойти с места.

– Филимон, – попросил Вольдемар здоровяка, – поддержи!..

И с открытым ртом смотрел потом, как Филимон идет к стойке, проигнорировав его просьбу.

Остановившись рядом с женщиной, Филимон нагнулся и рассмотрел длинную узкую лодочку на ее ноге. На какой именно, он так и не смог определить в их сложном переплетении.

– Чумовые у тебя ноги, – выдал Филимон первый комплимент. – И лодыжки, как у горной козы.

Это был второй комплимент. Женщина закрыла глаза.

– Это ты от удовольствия или от раздражения зажмурилась? – уточнил он, задумчиво разглядывая ее лицо.

Женщина распахнула глаза и уставилась на него расширенными зрачками в зеленых озерцах.

– Бутылки такие раньше были, – заметил Филимон, ткнув перед собой указательным пальцем. – Из зеленого стекла. Это ведь линзы?

Женщина кивнула. Медленно, многозначительно.

– А волосы? Ты ведь брюнетка. Угадал?

Медея сняла парик.

– Ох, ё!.. – вскрикнул Вольдемар и выронил левую часть тела Шурупа. Шуруп провис, Абакар не стал его устанавливать, опустил на сумки.

– Мне нравится, – серьезно кивнул Филимон, изучив форму женского черепа. – Я думал – что у тебя с лицом не так? Теперь понял – бровей нет. Лицо, которое потрясно выглядит без волос и без бровей, многого стоит. Куда летишь?

– В Марракеш, – честно ответила Медея.

– Скоро?

Медея посмотрела на лежащий перед ней на стойке телефон.

– Через тридцать три минуты закончится посадка.

– Пошли, погуляем? – Филимон кивнул на окно. Поскольку женщина никак не отреагировала, он покопался во внутреннем кармане легкой куртки и достал коробочку. Открыл ее. Огромный бриллиант в платиновой оправе. От малейшего движения камень ловил в себя свет и тут же разбрызгивал его фейерверком.

Медея посмотрела на кольцо, потом – на людей вокруг, потом – сквозь стекло на крошечные самолетики внизу, подалась к мужчине и тихо спросила:

– Ты что, идиот?

– Это «да» или «нет»? – уточнил Виктор Филимонович Лушко, которого близкие друзья называли Филимоныч, а чаще – Филимон.

– В каком смысле? – Медея с удивлением обнаружила, что нервничает.

– Ты можешь не спешить с ответом, подумай. Я мужик надежный. Бриллиант этот совершенно законный – у меня есть сертификат.

– Чего у тебя есть? – не верила ушам Медея.

– Сертификат. Я его купил на аукционе. Это якутский алмаз. Видишь, он достаточно большой, и у него есть имя. Витязь. Где ты остановишься в Марракеше?

– Ты так хорошо знаешь Марракеш?

– Не очень хорошо. Но я тебя найду.

– Ты меня найдешь в Марракеше? – не скрыла удивления Медея. Она могла поклясться, что никакой разведке мира не удалось бы собрать эту совершенно естественную четверку прищурков и подставить ее, Медею, под подобную слежку, а уж какому-то полковнику Кнуру – подавно!..

– Я тебя в любом месте найду, если ты возьмешь это кольцо. Примерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.